

Л60 $\frac{В-3}{16-13}$

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ

ПЕРЕВОД А. А. АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
ВОСПОМОГАТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ В. Р. ГРИБА
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ В. А. ГРИФОНОВА
ПРИМЕЧАНИЯ Е. Ф. КОРША

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — 1938

МИРОВОЗЗРЕНИЕ БАЛЬЗАКА

I

Творчество Бальзака отражает ту эпоху в истории буржуазного общества, когда оно перешло от революционной борьбы с феодальным строем к практическому осуществлению лозунгов 1793 года. Идеальный мир свободы и равенства в действительности оказался прозаическим царством капитала. Буржуазный прогресс, который представлялся революционерам XVIII века гармоническим восхождением человечества к золотому веку, обнаружил все свои неустранимые зияющие противоречия. Это решающее обстоятельство определило характер духовной жизни первой трети XIX века, ее главные направления.

Писатели, отстаивающие буржуазное общество, как идеальный, единственно возможный строй, объединяются под знаменем либерализма. Прекрасно понимая противоположность между интересами имущих и неимущих классов, всецело поддерживая сторону первых, они прибегают к прямому идеологическому обману, отрицая эту противоположность, всячески преуменьшая или скрывая вопиющие язвы нового порядка.

Но все же скрыть их от общественного сознания становится делом невозможным. Наряду с апологетикой капитализма развивается и его критика, выступающая первоначально в форме романтизма, который питается, главным образом, разочарованием мелкого собственника в практических результатах революции. Романтики первые в девятнадцатом веке открывают антагонистическую природу буржуазного общества. Если либералы изображают последнее как абсолютный прогресс, то романтики, напротив, приходят к отрицанию всякого положительного значения за буржуазным развитием, рассматривая его как абсолютный регресс и обращая с тоской свои взоры к «доброму старому времени», к патриархальным временам.

Оба эти направления не исчерпывают, однако, умственного движения эпохи. Наряду с либерализмом и романтизмом возникает третья течения, глубоко от них отличное, далеко превосходящее их по своему значению и сыгравшее громадную роль в исторической подготовке марксизма. К этому течению, которое условно можно было бы назвать «стоицизмом», заимствуя термины Маркса, употребленный им в одном месте для характеристики английской классической политической экономии, относятся такие люди как Гегель и Гете, Сен-Симон и Фурье. Их сближает не какая-либо общность, положительная программа или практические выводы, которые зачастую у них весьма различны, но общий исходный пункт в отношении к буржуазной цивилизации. В отличие от романтиков, мыслители «стоического» направления признают ее историческую необходимость, считают великой ступенью общественного прогресса. Но вместе с тем, в противоположность либеральной школе, они отнюдь не склонны представлять господство буржуазных отношений идеальным общественным состоянием. Они показывают, что успехи капиталистической цивилизации неизбежно сопровождаются упадком многих важнейших сторон общественной жизни и культуры, они правдиво и глубоко изображают варварские свойства буржуазного прогресса.

К этому «стоическому» направлению принадлежит и Бальзак. Как убедимся мы в дальнейшем, его никак нельзя причислить ни к романтикам, ни к либеральным писателям. От первых его отличает резко отрицательное отношение к восстановлению прежних порядков, признание исторической необходимости буржуазного общества. От либеральной вульгарно-апологетической школы Бальзак отличается своей правдивостью и смелостью в изображении разрушительных сторон буржуазного прогресса, своим глубоким пониманием его внутренних противоречий.

Шаг вперед в художественном развитии человечества, сделанный Бальзаком, заключался именно в том, что он в области художественной прозы сделал то же, что Гегель в философии: он дал, хотя зачастую и в превратной, идеалистической форме, универсальную и правдивую картину антагонистической природы буржуазного общества во всех ее проявлениях, обнаруживая и как мыслитель, и, в особенности, как художник замечательное понимание социальной диалектики. Для реализма восемнадцатого века (Фильдинг, отчасти Дидро) характерно, несмотря на его смелость в критике общественных недостатков, абсолютное разграничение добра и зла, света и тени. Все отрицательное в жизни — есть следствие феодального варварства, наоборот, представители нового

общественного начала воплощают разум и справедливость, во
лучшее в человеческой природе. Бальзак возвышается над этим
абстрактно-примолненной художественным методом, признав
основным законом общественной жизни органическую связь по-
ложительного и отрицательного в ней, отсутствие в ней абсолют-
ных граней. Его основное убеждение заключается в том, что «в че-
ловеке нет ничего абсолютного» («М. Миньон»), что в жизни господ-
ствует «закон противоположностей и контрастов» («Дочь Евы»),
а в «Утраченных иллюзиях» он говорит об исключительной роли
закона противоречия в жизни человека.

Эта «стойкая» позиция, проникновение в диалектику бур-
жуазного прогресса далась Бальзаку не сразу. Бальзак пришел
к ней после долгих блужданий, преодолевая понятия и взгляды
той классовой среды, из которой он вышел, того воспитания, ко-
торое он получил, того общественного круга, в котором он жил.
Духовная эволюция Бальзака, созревание его мировоззрения
заслуживают подробного специального разбора. Мы ограничимся
здесь лишь указанием на ее общий характер.

Свой самостоятельный жизненный путь Бальзак начал, полный
наивной юношеской веры в окружающую его жизнь. То были
двадцатые годы девятнадцатого века — триумфальные годы бур-
жуазного общества, еще окруженного в глазах народных масс
ореолом борца против крепостничества. Эта блестящая внешность,
под которой трудно было распознать хищническую эксплуататор-
скую природу буржуазии — господина нового строя, — осле-
пила юношу Бальзака, как и многих из его современников. Он
принял всерьез те мнимые безграничные перспективы, которые,
казалось, открывает она перед каждым честным и способным
человеком. Годы напряженной житейской борьбы, которую при-
шлось выдерживать Бальзаку, непрерывные размышления изменили
и углубили его взгляды на жизнь, закаляли его талант, дали ему
огромный запас фактов и наблюдений. Непосредственный опыт
столкнул Бальзака с основами буржуазной жизни, раскрыл ему
ее тайные пружины, ее отвратительную изнанку. В Бальзаке
укрепилось презрение и отвращение к буржуазии, все более и
более возрастающее. Сочинитель романтических историй с неопре-
деленно либеральными взглядами превратился в сурового трезвого
реалиста, глубоко вдумывающегося в окружающую его действительность и жестоко критикующего ее. Политическое выражение
свое это изменение взглядов Бальзака находит в его постепенной
эволюции от либерализма и своеобразному легитимизму, о кото-
ром будет сказано далее.

Коренное различие между Бальзаком и либеральными писателями состоит не столько в наличии у него критики буржуазного общества, сколько в принципиальном характере этой критики. Либеральные писатели, даже и демократически настроенные, вроде Гюго, отнюдь не чуждаются порицания тех или иных недостатков буржуазного общества. Но как бы радикально резко подчас они их ни осуждали, они их считают временными явлениями, частичными недостатками, нисколько не связанными с основами буржуазного порядка и происходящими скорее от недостаточного их развития.

Для Бальзака же характерна обратная тенденция — вывести все отрицательные стороны буржуазного общества из его основных принципов, показать, что эти последние сами по себе далеко не совершенны, что буржуазное общество, по самому своему внутреннему строению, обречено на хаос и гибельные конфликты.

Абсолютное превосходство буржуазного общества над старым порядком либералы усматривали прежде всего в принципе личной свободы, формальной независимости гражданина от всякого внешнего принуждения. Для Бальзака же как раз этот восхваляемый принцип буржуазного общества является источником неисчислимых бедствий, антиобщественным принципом. Сделать краеугольным камнем общества личный интерес значит, с точки зрения Бальзака, открыть дорогу худшим страстям человеческой природы, эгоизму, жадности, корыстолюбию. «В нынешнее время для поддержки общества есть только одна опора — эгоизм. Люди веруют только в себя» («Сельский врач»). «Правдой или неправдой достигнуть земного рая, роскоши и суточных наслаждений, превратив в камень свое сердце... Таково общее стремление» («Евгения Гранде»). Общество превращается в арену ожесточенной борьбы всех против всех, где «победа достается самому ловкому или самому сильному эгоисту» («Дочь Евы»), где люди «пожирают друг друга, как пауки в банке», по выражению Вотрена («Отец Горно»).

Наиболее яркое выражение всепроникающий буржуазное общество дух личной выгоды получает в господстве денег, ибо «сбылюбие и корыстолюбие — суть лишь две стороны единого целого — эгоизма». «В современную эпоху деньги в большей мере, чем когда-либо, господствуют над законами, понятиями и правами» («Евгения Гранде»). «Упрочившийся эгоизм» это и есть «финансовый принцип», «принцип денег», которому подчинены решительно все жизненные проявления буржуазного общества. Эта мысль, проходящая

лейтмотивом через всю «Человеческую комедию», является исходным пунктом в анализе оценки буржуазного общества у Бальзака. Он стремится показать, что в господстве «принципа денег» заключается истинная причина «язв нашей цивилизации», которая разрушает все стороны общественной жизни и, наконец, самого человека, что буржуазное общество ведет человечество к хаосу и деградации.

Если «Человеческая комедия», по замыслу ее автора, представляет некий pendant к «Божественной комедии», то место «Ада» в ней занимает буржуазное общество, и через все его круги проводит неутомимый Бальзак своего читателя.

Бальзак первым из писателей девятнадцатого века понял всю важность изучения общественной экономики для правильного изображения действительности. Подобно тому как Сент-Илер объяснял развитие животных видов действием внешней среды, так и Бальзак ставит своей задачей вывести бесконечное разнообразие характеров и ситуаций из общественных условий (см. предисловие к «Человеческой комедии»). Он видит, что из них основным и решающим является имущественное положение. Культурное и моральное развитие он ставит в прямую зависимость от материального благосостояния: «Умственный прогресс, — говорит один из alter ego Бальзака, Бенаси, — всецело зависит от прогресса экономического». Естественно поэтому, что оценка влияния буржуазных отношений на материальную сторону общества играет очень важную роль в общей оценке писателем буржуазного общества.

И тут Бальзак весьма далек от либерального воспевания «индустриального века». Правда, как мы увидим далее, он не может отрицать тех материальных и технических преимуществ, которые несет буржуазный прогресс. Но он подчеркивает главным образом разрушительную хищническую сторону капитализма, которая в изображении Бальзака почти совершенно заслоняет его положительное значение. Настоящий чистокровный капиталист в роли двигателя прогресса у Бальзака попадает лишь в виде исключения. Недаром классический капиталист для Бальзака — это прежде всего балласт, финансист, для которого промышленное предприятие есть только подобие, вспомогательное средство, чтобы выпустить акции и начать биржевые махинации. Промышленный капиталист — это лишь «одна из второстепенных пружин, приводящих в движение шар». Финансовые махинации остаются в пределах обращения, не затрагивая производства, не стимулируют материально-техни-

ческое развитие. Лихорадочная жизнь биржи — это фантастический круговорот мнимых, бумажных ценностей. Капиталист-банкир ничего не создает, это паразит на теле народного хозяйства; вся его задача сводится к тому, чтобы ограбить других.

Подобными методами создают свои состояния все светила капиталистической верхушки — Нюсинжен, Келлер, Тайфер, дю Тилье и т. д. Такими же хищниками, не способными ни на творческую инициативу, ни на смелую техническую мысль, изображены и промышленники братья Куанте. Они перехватывают самым бесчестным способом промышленное изобретение у идеалист-неудачника Давида Сешара, который «как благородный человек, не годился в коммерсанты» («Утраченные иллюзии»).

Так же губительно действует хищническая политика капитализма на земледелие. В «Крестьянах» Бальзак показывает, как дробится крупное поместье, единственная выгодная форма сельского хозяйства, на ряд убыточных мелких участков в результате интриг буржуазных дельцов Гобертена и Ригу, натравивших крестьян на помещика Монкорнэ. Гобертен и Ригу захватывают земли генерала не для того, чтобы самим вести хозяйство, а для перепродажи их за двойную цену по кусочкам отдельным крестьянам. Ограбление и дворянина, и крестьянина — вот их путь. Таким образом, результатом вмешательства капиталистов в сельское хозяйство является не процветание, а экономический регресс, переход к бесплодному мелкому земледелию. К этой своей любимой мысли Бальзак часто возвращается и в других романах («Сельский священник»).

Таким образом, капиталист, по природе своей, рисуется Бальзаку как паразитарный общественный элемент, накопитель, скрыга. Если в начале накопление служит капиталисту для удовлетворения своих страстей, пусть и низких, то на поздней ступени накопление становится для него самоцелью. Бальзак тонко анализирует все стадии этой метаморфозы. Стремясь к могуществу через богатство, Нюсинжен понял, что «деньги обладают могуществом лишь тогда, когда их несомненно много. У него было пять миллионов, он пожелал иметь десять. Он знал, что из десяти миллионов ему удастся сделать тридцать, а из пяти только пятнадцать» («Банкирский дом Нюсинжена»). Он начинает «любить самый блеск золота», но он еще способен на прихоть и страсть, способен истратить два миллиона на куртизанку Эстер («Блеск и нищета куртизанок»). Но уже Гранде жадность золота превращает в могомана, заглушает в нем все чувства, все привязанности. Его алчная жадность убивает его жену, разрушает счастье его дочери.

сти-
ист-
ий-
ка-
ер,
на
ра-
ым
га-
к,
а-
к
ь-
те
х
т
и

Наконец, полного своего воплощения, *логического конца* достигает накопительская психология капиталиста в лице Гобсека — скряги уже не по инстинкту как Гранда, а по убеждению. Это поэт и мученик ростовщичества. Тщетны и низки все человеческие поступки и стремления, единственная радость мыслящего человека — учет векселей и получение процентов. Полное умертвление плоти, отказ от всех радостей жизни ради *мысленного* наслаждения — стяжания — вот его образ жизни... «Вы молоды, в вас говорит кровь... — говорит он своему поверенному Дервилью. — Вы верите всему, я — ни во что... Есть только одно материальное благо, ценность которого достаточно достоверна, чтобы человек мог им заниматься... Это... это золото» («Гобсек»). Почти безумное скряжничество Гобсека воплощает в себе все бессмысленные, абсурдные, иррациональные стороны капитализма. После его смерти Дервилья находит в его комнате груды испорченной сведи, тюки колониальных товаров, мебель, серебро — все разрушающееся от ветхости.

Таков конечный результат господства «принципа денег» в экономике — слепое саморазрушение, бессмысленное уничтожение материальных благ. О моральной стороне дела и говорить нечего: «финансовое начало» убивает всякую честность и порядочность. Среди бескопечной вереницы изображенных Бальзаком капиталистических дельцов, и крупных и мелких, банкиров и промышленников, нельзя найти ни одного привлекательного, честного, доброго человека. Зато какая коллекция образцов предельной низости, подлости и преступлений! Кто эти «разбойники, которых мы ради прикрасы именуем банкирами?» («Проценты Мельмот»). Убийца Тайфер, мошенник Нюснжен, негодяй и вор дю Тилье, «пикал, нюхом выскивающий трупы», бесчестные братья Куэнте, «ангулемские волки», мстительный и алчный дю Круазье, «коварный и лицемерный» дю Бускье, низкий сладострастник Ригу, в пад отвратительным зрелищем беснования разнузданной алчности, в глубине сцены «Комедии», в таинственном полумраке чернеет зловещая тень ростовщика, неумолимого и бесстрастного, как судьба.

Следующий круг ада — это политическая жизнь буржуазного общества, представляющая с точки зрения Бальзака в самом своем принципе нечто абсурдное и противоречивое. В самом деле, как возможна политическая жизнь в обществе, основанном на антиполитическом принципе эгоизма? «Закон общественной пользы, порождающий патриотизм, мгновенно разрушается законом пользы отдельных лиц, порождающим эгоизм»... («Сельский священник»)

При таких условиях политика превращается в средство выживания, в акционерное предприятие, сосредоточенное в руках шайки капиталистов — настоящих господ Франции. Бальзак не видит утешения, чтобы развенчать лицемерный, спекулятивный характер основ буржуазного государства — политического равенства, парламентаризма, администрации, суда. Капитализм — это тот же «феодалский режим», но основанный на деньгах («Прошвенный Мельмот»). Вместо прежних сеньоров заступили буржуа. Бальзак показывает в «Крестьянах», как сельский ростовщик Ригу превращает крестьян в «белых негров», отбывающих на его полях настоящую барщину. «Эти мелкие собственники были крепостными Ригу так же, как в Париже ремесленники работают на крупную буржуазию».

Особенное возмущение Бальзака вызывает «демократизм» буржуазии, ее тирады о народном благе. Либералов — своих противников — Бальзак неизменно изображает в самых черных красках. Буржуазный политик у Бальзака всегда выведен как прожектерный мошенник, лицемер, прохвост, рассматривающий общественные интересы как род выгодной коммерции, не жалеющий обещаний народу, чтобы натравить его на аристократов и сделать карьеру. Таковы братья Коллер («Цезарь Бирото»), Дю Круазье («Музей древностей»), Дю Бускье («Старая дева»), Вине («Пьеретта»), Гобертен и Ригу («Крестьяне») и т. д.

Такому же беспощадному осуждению подвергает Бальзак все составные элементы буржуазной государственной машины вплоть до самых мельчайших деталей. Буржуазное правосудие он характеризует как фальшивую систему, развращающую судью путем честолюбия и денег, превращающую его в торговца законом («Дело об опеке»).

В истории карьеры судьи Камюзо, «готового вадернуть на виселицу по воле сильных мира сего и снять с нее правых и виноватых» (там же), Бальзак дает художественную иллюстрацию к своим публицистическим рассуждениям. История Камюзо — типичная история буржуазного юриста, посредством беззакония и кривосудия достигающего славы и почета (см. «Музей древностей», «Дело об опеке», «Последнее воплощение Вотрена»). Разумеется, при такой системе и таких служителях правосудия «для миллионеров нет ни эшафота, ни палачей». Честные люди, вроде Давида Ошара, Цезаря Бирото, разоряются, гибнут, а грабители, вроде Нюсирвена, — процветают. Мораль истории богатства Нюсирвена та, что «закон — это паутина, сквозь которую продираются большие мухи и в которой гибнут маленькие».

«Принцип денег» омертвляет буржуазную администрацию, делающую виновников «колесами, привинченными к машине». Это — огромная фабрика посредственностей, душащая всякую смелую реформу, всякое полезное начинание (см. историю Рабурдена в «Чиновниках»). Буржуазная бюрократия, по характеристике Бальзака, «увекочивает медленность, злоупотребление... препятствует благосостоянию страны».

Свой кропотливый анализ буржуазной общественной жизни Бальзак резюмирует в краткой, убийственной характеристике: «Буржуазия из-за своих мелких страстишек поступает общегосударственными интересами... неустойчивая в политике, она портит все и не создает ничего... постоянно беспокоенная всяким проявлением таланта, она всегда стремится низвести его до собственного уровня».

Под ядовитым действием расчета разлагаются все общественные скрепы, соединяющие людей друг с другом, общественный организм распадается на изолированные самодовлеющие клеточки-индивидуумы, вступающие друг с другом в ожесточенную борьбу. (См. обобщающее изображение этого процесса в «Крестьянах».) Здесь мы переходим вместе с Бальзаком, так сказать, в следующее отделение «Ада» — в частную жизнь человека в буржуазном обществе.

II

Губительный денежный дух не останавливается перед порогом буржуазного дома, куда замкнулся обособившийся индивид. Он вторгается в семью, он «освобождает» человека не только от общественных, но и от кровных уз, убивая в нем даже биологическое чувство привязанности к себе подобному. Эгоизм индивидуальный разбивает эгоизм семейный, «семейный дух разрушается везде, где составители нового кодекса поставили свободную волю и равенство» («Сельский священник»). Золото разрушает любовь родителей к детям («Евгения Гранде»), любовь детей к родителям («Отец Горю»), превращает брак в коммерческую сделку, где муж и жена являются естественными врагами-конкурентами (история Поля де Манервилла и Натали — «Брачный договор»). Любовь превращается в проституцию (m-me Марнеф в «Кузине Бетте»), дружба — в подслуживание и в моральное убийство из-за угла («Утраченные иллюзии», Люсто и Люсьен), родственные отношения — в отвратительнейшее лицемерие («Кузен Пон»). «Финансовое начало» следует по пятам за человеком, оно втор-

гаетоп теперь уже в него самого, в его эгоистическое «я» и сводит все его чувства и страсти к одному знаменателю — жажде обладания. Бальвак очень тонко показывает все ступени этого процесса. Любовь Цезарины к Ансельму Попино («Цезарь Бирото»), казалось бы, имеет совершенно чистый и бескорыстный характер, и все же основой своей чувство это имеет расчет, хотя и вполне добродетельный: «Цезарина не раз думала, что на любовь маленького Попино можно положиться скорее, чем на любовь какого-нибудь красавца. По всему было видно, что Ансельм, женившись на хорошенькой, будет обожать ее до самой смерти, будет до изнеможения работать, чтобы сделать ее счастливой, предоставив ей полную власть в доме и вполне ей покорится». Этот «инстинкт, подсказывавший ей, что Ансельм будет вторым Бирото» («Величие и падение Цезаря Бирото»), перерастает незаметно для нее в чувство к нему; она даже перестает замечать хромоту Ансельма. Более бессознательную и более ясную форму принимает чувство собственника в любви Горио к своим дочерям. Для него дочери — созданная им, его деньгами, его усилиями общественная ценность. Он гордится их умом, образованием, светскими связями, как гордится Нью-спиркен удачной спекуляцией. Они — воплощение его труда и капитала. Поэтому в его восхищении ими проглядывает нечто от психологии Гобсека, любящегося своими червонцами: «Ведь я любил их, как игрок, то и дело возвращающийся к картам!» — кричит в предсмертном бреду он, старый игрок на подрядах и спекуляционных мукой. Его страсть доходит до фетишизма: «О, дайте мне ваш жилет! — говорит он Растиньяку. — Как, на нем были слезы моей дочери?.. подарите его мне!» («Отец Горио»). Для него священная всякая безделушка на платье его дочерей.

Фетишизм уже целиком заполняет отношение Гранде к дочери. Он по-своему привязан к ней, заботится о ней. Но почему? Потому, что она — будущая хранительница его богатства. «Старайся, береги золото, береги золото, и потребую обо всем отчет на том свете», — это его предсмертные слова к Евгении. Не отцовское чувство пробуждает в Гранде стремление к золоту, но, наоборот, любовь к золоту пробуждает в нем своеобразное отцовское чувство. Золото оживает, человек же превращается в его стблеск, в его тень. Инстинкт обладания поглощает все чувства, все живое в человеке.

Умерщвляет все страсти, чувства, все потребности в связи, навсегда обладания становится беспредметной, самодовлеющей си-

дой, переходит в самоотречение, в аскетизм. Конечный результат этой диалектики эгоизма — философия денежной Nirваны, воплощенная в Гобсеке и старика-антиквара из «Шагреневой кожи». Высший смысл жизни заключается в отказе от нее, в духовном самооскоплении, проповедуемом Гобсеком.

Итак, Гобсек, этот «фантастический образ, олицетворявший власть золота», есть завершенное воплощение основных тенденций капиталистической цивилизации, представляющее их действие, так сказать, в логически чистом виде. Истребляя все на своем пути — хозяйство, политику, семью, любовь, нравственность, — эгоистический индивид кончает самоистреблением.

Такова оценка капиталистической цивилизации, данная Бальзаком с точки зрения необходимых элементарных условий жизнедеятельности человека, ее материально-общественного минимума. Изображением плачевных судеб высших проявлений собственно человеческого в человеке при капитализме — судеб таланта, культуры, искусства — он завершает свою «Комедию». Мы вступаем в третье и последнее отделение «Ада» и при том, быть может, наиболее трагическое для самого Бальзака, который как художник, на своем личном опыте, особенно остро и болезненно ощущал тяжесть положения честного и талантливого человека в условиях «прогресса».

Уравнительный механизм буржуазной цивилизации обезличивает человека, превращает его в автомата, приковывая его к однообразной рутине ремесленного труда, убивает его способности и силы. «Семь восьмых каждого года по семь-восемь часов сидеть каждый день... в решетчатой камерке...», отказывать себе в наслаждениях и удовольствиях, соблюдать правила честности и за это «получать на старость сотню лундоров ренты, третий этаж, хлеба в умеренном количестве, несколько изношенных шейных платков да престарелую жену, сопровождаемую ребятами» («Прощенный Мольмот»), — таков жизненный удел всех подъяремных буржуазного общества — чиновников, врачей, инженеров, — словом, всех «кассиров», как называет Бальзак этих людей, сторожей и слуг золота. Но в такого «кассира» буржуазное общество превращает великого талантливого человека. Гибель таланта, заеденного буржуазной рутинной, Бальзак изображает очень часто, например — историю Атаназа Грансона («Старая дева»), инженера Жерара («Сельский священник»).

В мрачной атмосфере фетишизма творятся удивительные дела. Вещи приобретают самостоятельную мистическую жизнь, высасывая из человека жизненные силы, а человек, наоборот, превра-

дится до уровня ничего не стоящей вещи. В иронически фантастической манере Бальзак рассказывает, как человеческая душа, попав на биржу в качестве товара, через несколько часов теряет всякую ценность и не находит спроса («Прощенный Мельмот»).

Что же остается делать человеку, который сознает себя способным на нечто большее, чем быть «кассиром» или «членом братства божьих коровок»? Он начинает рассуждать как Вотрен: «Чем пасть только измельчать, я предпочту стать морским разбойником». Если буржуазное общество не дает ему развернуть свои силы в нормальных условиях, то, если он не хочет духовно погибнуть, он делает это, нарушая эти условия, он становится преступником, как Вотрен, Филипп Бридо, члены «общества 13»; всех их душит «бледная жизнь нашей цивилизации, однообразная, как линия железной дороги, сжимающая сердце омерзением» («Шагреновая кожа»), все они «отличались свойствами, создающими великих людей и присущими только избранным» («История 13»). Это — не мелочные воришки, а принципиальные преступники, мстящие отвергнувшему их обществу, новые Корсары и Мельмоты.

Если же у талантливого человека нехватает решимости стать преступником, он становится одержимым. Чем сильнее давят капиталистические отношения на индивидуальную одаренность и своеобразие, тем разрушительнее и безумнее вырываются на свободу эти скрытые, сжатые силы, как только давление это где-нибудь ослабевает и человек получает относительную свободу предаваться какому-либо из своих влечений — сладострастную, бережливости, науке и т. д. В эту освобожденную страсть человек вкладывает всю свою волю, энергию, силы, она поглощает его целиком, разрастается до гигантских размеров, становится лихорадкой, болезнью, манией, разрушающей его духовно и физически, губящей его и его близких. Оттого всякий яркий тип у Бальзака почти всегда маниак и так часто употребляет он термин «мания» при психологическом анализе своих героев. Это уже не люди — это персонификация известного чувства, или склонности: Гобсек и Гранде — скупости, Гюло («Куанна Бетта») — сладострастия, Клаэ («В поисках абсолюта») — научного интереса, Бетта — масти, Эли Магюс («Кузен Понс») — коллекционерства и т. д. Они живут полной, страстной жизнью, поглощающей все их силы и мысли, но это не та мощная радость бытия, которой наслаждается здоровый, цельный человек, свободно и всесторонне развивающий свою природу, а уродливая односторонность, смертельная болезнь, разрушающая нормальные условия жизнедеятельности. Проаябать, но существовать, жить ярко и пламенно, но гибнуть.

...от зла
и ушла
как том
чревоу
радости,
ловки и
лми, ба
ния...

(«Шагр

Но

только

него ч

проше

никог

тедь

обеспр

дарт

тастич

ярким

ные го

ривал

как на

ния. «

изобре

стали

риха I

мы по

тые з

таем

лись.

Е

мало

Град

хон

ству

ним

бол

сует

но

но

вор

11

вот зловещий закон буржуазной цивилизации, воплощенный в роковых свойствах «Шагреновой кожи», в которой соединены, как говорит антиквар Рафаэло, «ваши общественные идеи, ваши чрезмерные желания, ваша неумеренность, ваши убийственные радости, ваши печали, заставляющие чересчур жить...», ибо «человек истощает себя двумя, инстинктивно выполняемыми действиями, благодаря которым иссякают источники его существования... желать — сжигает нас, а мочь — разрушает...» («Шагреновая кожа»).

Но если богатство и сила индивидуального развития возможны только как преступление или болезнь, если обычная жизнь среднего человека — бесцветное, растительное существование, то для процветания культуры и искусства в буржуазном обществе нет никакой прочной почвы; они обречены на гибель в этом уравнительном мире денег, стирающем все качественные особенности, обесцвечивающем все индивидуальные особенности. Грубые стандартные продукты современной промышленности вытесняют артистические изделия старого ремесла. Там, где некогда пестрели яркими красками и причудливыми формами старинные живописные города, угрюмо чернеют фабричные трубы («Беатриса»), и по развалинам великолепных дворянских замков проходит соха. Бальзак нападает на апологетов «прогресса» и с эстетической точки зрения. «Они раболепствуют перед ситцевыми фабриками и грубыми изобретениями современной промышленной техники, как будто мы стали оттого более великими и счастливыми, чем во времена Генриха IV, Людовика XIV или Людовика XV... А мы? Какие оставим мы после себя дворцы, дома, произведения искусства, какие шпите золотом ткани? Эгоистичные и скаредные владельцы, мы сметаем все на своем пути и сажаем капусту там, где ранее возвышались чудеса искусства» («Крестьяне»).

Буржуазный уклад антиэстетичен по своей природе: «Как мало привлекательна буржуазная семья для художника!» («Пьер Грассу»). Вот перед нами мэр и крупный купец Кревель, один из хозяев положения при июльской монархии, «олицетворенно торжествующей буржуазии» («Кузина Бетта»). Каким пошлым, самодовольным и ограниченным болтуном с претензиями разыгрывать из себя большого барина, но «не дорожке ста пятидесяти франков в месяц», рисует его Вальзан! Он, разумеется, «покровительствует» искусствам, но как!

В рассказе «Пьер Грассу» Вальзан выводит трудолюбивого, но бездарного художника Грассу, «глупого рисовальщика, позорную посредственность». Но именно благодаря этому он преуспе-

нает у буржуазной публики (см. ироническое описание его картины). Он получает орден, он загребает деньги, он любимый художник буржуа; «Главная причина, почему буржуа держатся этого художника, следующая: «Говорите, что хотите, а он каждый год помещает двадцать тысяч у нотариуса» («Пьер Грассу»). И, разумеется, портреты Криволея и его семьи, украшающие его гостиную, написаны Пьером Грассу!

Бездарности преуспевают, тогда как настоящие художники, не желающие подчиняться мнению пошляков и глупцов, выброшены за борт буржуазного общества. Они отвержены, пария, богема. Эти Бридо, де Лора, Люсто, Натаны, Блонде, Виньоны, все они ненавидят буржуа, которые «вечно служат артистам мишенью для их остроумия и шуток» («Цезарь Бирото»). «Артисты всегда безжалостны к буржуа» (там же). Но как мстит им буржуазное общество за это презрение, за то, что они не хотят подчиняться торжествующей пошлости! Художники обречены на муки полуголодного существования, на неуспех и непризнание, на вечное нищенство и смерть под забором. И все же им не удастся избежать тлетворного буржуазного влияния. Деньги, конкуренция, зависть, продажность разъедают мир богемы, такой блестящий и беззаботный по внешности. Но присмотритесь к нему, и вы за испускной беспечностью и театральным великодушием увидите гниль, мерзость и разложение. На одного благородного и стойкого человека, как д'Артез, приходится десять негодяев и продажных виск в вроде Люсто и Биксиу («Утраченные иллюзии»). Деньги господствуют и здесь. И бывший фрондер и ненавистник буржуа в большинстве случаев кончает тем, что поступает к нему на службу и делает себе карьеру (Клод Виньон в «Кузине Бетте», Натан в «Дочери Евы»). «Поддельное великодушие» богемы скрывает «ее внутреннее убожество», она — «кровное дитя нашего помраченного завистью века» («Дочь Евы»).

В романе «Крестьяне», в этом «Вишневом саде» французской литературы, Бальзак подводит итог своим многолетним наблюдениям «за деятельностью глупых и бессмысленных буржуа», результат всестороннего анализа «нечистого господства буржуазии», заключает в яркой художественный образ: Эмиль Блонде, один из «рупоров» Бальзака, едет с женой по тем местам, где не так давно красовался величественный замок Эс. «Местность нельзя было узнать. Таинственные леса были вырублены... земля была уже разделена на тысячи участков. Обращение под нашу прекрасного парка, так оберегавшегося в такого роскошного в былые времена, выделало павильон «Свидания». Это

здание было единственным, оставшимся от всего прежнего, оно производило впечатление замка в сравнении с жалкими лачугами крестьян, занявшими вокруг всю местность. «Вот и прогори!» — воскликнул Эмиль. — Это наглядная страничка из «Обвинительного договора» Руссо. Во что превратятся сами нации через пятьдесят лет при таких порядках!»

III

Итак, обвинительный акт Бальзака против буржуазной цивилизации закончен. Все ее неизлечимые болезни, пороки и язвы собраны им и изучены с поражающей полнотой и многосторонностью. Со всех точек зрения — политической, хозяйственной, моральной, культурно-гуманистической — господство буржуазии никак нельзя признать нормальным путем развития человечества. Современное положение вещей, дьявольское господство эгоизма, денег, внушает Бальзаку ужас и опасение за будущее общества: «Во что превратятся через пятьдесят лет сами нации при таких порядках!» Что же тут верить либеральным рассказам о безусловном превосходстве новейшей цивилизации над старым режимом! Наоборот, их сравнение оказывается во многих, и притом важнейших, отношениях далеко не в пользу буржуазного общества. Так, вместе с разрушением феодально-патриархального уклада разрушаются единственно возможные и прочные основы общественного порядка, все те формы связей между людьми, которые чужды расчету и эгоизму, покоятся на традиции, авторитете, повиновении, любви. В этом смысле прежнее дворянское общество является для Бальзака «образцовым обществом» (Энгельс), и его гибель он рисует как великую историческую трагедию, как гибель вечных законов человеческого общежития вообще. «Его великое произведение, — говорит Энгельс о «Комедии», — непрерывная элегия по поводу непоправимого развала высшего общества; его симпатия на стороне класса, осужденного на вымирание»¹.

Соответственно изложенной программе взглядов, Бальзак изображает представителей старого общества, воплощающих его отдельные стороны, в весьма сочувственных тонах, в противоположность своим буржуазным дельцам и карьеристам.

Высший дивет старого общества, олицетворение всех его прекрасных величественных сторон — это аристократия, лучшие люди нации.

¹ «Маркс и Энгельс об искусстве», «Советская литература», 1933 г., стр. 196.

Нерушимое соблюдение правил чести, с точки зрения Бальзака, служит залогом всех прекрасных достоинств старой аристократии, преданности королю, бескорыстия, благородства, верности своему слову. Как бы ни уступала аристократия своим противникам в трезвости, практичности, предприимчивости, она всегда в воображении Бальзака стоит неизмеримо выше их в моральном отношении (сказанное не относится к аристократии новейшей формации, развращенной буржуазией, о чем см. далее). Сравните дю Круазье и старого д'Эгриньона («Музей древности»). Насколько первый подл, беспринципен и корыстен, настолько-де второй, при всех его недостатках, благороден, честен, непоколебим в своих убеждениях, как бы дорого ни приходилось платить ему за это. Сравните приемы их политической борьбы. Дю Круазье пускает в ход «отравленные оружие дикарей», применяет самые низкие средства, тогда как отец д'Эгриньон ведет войну в «благородной и беззлобной» форме, обладая моральным «превосходством ума и тонкой насмешки» над интригами и коварством.

В своем преклонении перед старой аристократией Бальзак подчас впадает прямо-таки в лирическую восторженность, вожалая самых лестных красок и похвал.

В повести «Дело об опеке» Бальзак выводит идеального дворянина, рыцаря без страха и упрека, маркиза д'Эспар (см. также характеристику Калиста дю Генни — «Беатриса», герцога Шолье — «Записки двух новобрачных»). Д'Эспар — это «настоящий аристократ», «по своим чертам, сдержанности и манерам, — воплощение чести в ее самой прекрасной форме — чести духовной и рыцарственной, аристократичности во всей ее красоте» («Дело об опеке»). Д'Эспар, если понимать его как уцелевшего представителя великой организации, именуемой феодализмом, заслуживал почтительного изумления. Как образцовый аристократ, д'Эспар рассматривает свое положение не только как привилегию, но и как великую обязанность перед обществом, обязанность подавать пример высшим классам в преданности благу родины, в благородстве и честности. И д'Эспар верен до конца этим принципам. Он внезапно узнает, просясь в семейных архивах, что своим богатством он обязан преступлению одного из своих предков, жившего в эпоху Людовика XIV, выдавшего купца-протестанта Жанрено, соблазнившись его богатством. Это открытие повергает маркиза в ужас, он предпочитает бедность, разрыв с женой, которая сочла его за сумасшедшего, разрыв с обществом пользования этой гнусно приобретенной роскошью. Он удаляется от света, отказывает себе в своих сыновьям во всем, чтобы выплатить размысканным наследникам

Жабрею стоимость отнятого у их прадеда имущества — миллион сто тысяч франков.

Можно ли найти в бесконечной галлерее буржуазных деланов у Бальзака хоть один портрет, написанный с такой горячей симпатией, с таким чувством благоговения и почтительного уважения, хоть одного такого человека, как маркиз д'Эспар!

Такими же привлекательными чертами, хотя и в несколько другом роде, обрисовывает Бальзак другого представителя старых дворянских фамилий, Калиста дю Геник («Беатриса»). Нравственно безупречный, верный своим убеждениям роялиста, вплоть до участия в мятеже герцогини Беррийской, рыцарски восторженный в отношении к женщине, Калист, как и маркиз д'Эспар, падает жертвой своего благородства при столкновении с буржуазными нравами. Бессердечная, эгоистическая, тщеславная Беатриса Ропфид, этот продукт торгашеских салонов Июльской монархии, разбивает, ему жизнь.

Но даже и там, где Бальзак изображает в сатирических и горьких тонах разложение аристократии, под влиянием торгашеского, буржуазного духа, он тщательно отмечает в ней все неизгладимые черты благородства и душевного величия.

Титулованная куртизанка, циническая эгоистка, герцогиня де Мофриньес тем не менее неизменно верна своему королю даже в несчастья. После свержения Карла X она не идет на поклон к монарху-«лавочнику» Людовику-Филиппу, предпочитая потерю положения и влияния в обществе гордой независимости. Она, не задумываясь, посылает своего единственного сына к герцогине Беррийской («Тайны герцогини де Кадиньян»).

Кавалер Валуа далеко уже не идеал аристократа. Он уже научился интригам, лести; богатство заставляет его иногда поступаться своей гордостью, но все же, когда Карл X оставляет Францию, кавалер жертвует ему все свои последние сбережения. («Старая дева»).

•Преимущества аристократии над буржуа заключаются не только в моральных качествах, но и в той особой культуре тела и ума, для которой нет другого слова как «порода» и которую нельзя приобрести, так же как и красоту, потому что она является результатом многовековой давности привилегированного существования. •

Только аристократ умеет вложить в поклон такую разнообразнейшую гамму оттенков: «Герцог д'Эрувиль, аристократически великий со всеми, раскланялся с графом де ля Пальферри тем особенным поклоном, который, не упавшая ни на особенное ува-

женне, ни на особенную близость, говорит всем присутствующим: «мы одного поля ягоды, одного вкаала люди, мы друг друга стоим». Этот поклон — высшая аристократическая изысканность — был создан для того, чтобы приводить в отчаяние умиах людей, принадлежащих к высшей буржуазии» («Кузина Бетта»).

Порода создает высший вид красоты, аристократическую красоту: «Изящная женщина будет всегда более или менее графиня». Исключительное пристрастие Бальзака к изображению всех своих аристократок совершенством красоты, грации, изящества и проч. настолько бросается в глаза, что оно давно уже послужило предметом насмешек для буржуазной критики, и притом не безосновательным. Он не знает полутонов и чувства меры. Эпитеты «безупречный», «совершенный», «дивный», «гармоничный», «божественный», «ангельский», сравнение с Рафаэлем, Винчи, Дюрером, Праксителем так и сыплется с пера Бальзака в невероятном количестве, как только речь заходит о наружности женщины-аристократки. (См., например, портреты «Модесты Миньон», баронессы дю Геник — «Беатриса», Арманда де Гриньон — этого гения феодализма, небесного образа — «Музей древностей», княгини Гандольфини — «Альбер Савариус», Луизы Шолье — «Записки двух новобрачных».

Вот почему так скорбит Бальзак в «Крестьянах» о гибели этой столь утонченной и столь пышной культуры под грубым натиском «пользы», сводящей на-нет грацию, вкус и изящество: гибнет художественная отделка человеческой личности, искусство изящно жить; буржуазная цивилизация фабрикует людей по стандарту так же, как и свои промышленные изделия.

Если все доблести, поэзия и блеск старого общества сосредоточены в аристократии, то его, так сказать, прочность и покой наиболее полно воплощены в патриархальной буржуазии. Ее представители — единственные из всех буржуазных героев Бальзака, которых он выводит в привлекательном свете. Эта старинная буржуазия находится в резкой противоположности к новой, к «нуворишам», созданным французской революцией. Ее существование является результатом неразвитости экономических отношений, источника ее жизни — торговля сравнительно небольшого масштаба, имеющая постоянный установившийся круг покупателей. Старая буржуазия не имеет в своей среде миллионеров, не знает вкуса к спекуляциям, накапливает медленно и постепенно, не гоняясь за наживой, скорее в силу традиции и инстинкта, «подобно муравьям», ведали в силу хищнической жажды безмерного богатства. Гильомам спекуляция кажется «чуждой и

спекуляцией». Поэтому для этих людей деньги далеко не составляют всё. Патриархальный буржуа предпочтет бедность и нужду, как Цезарь Бирото, «мученик коммерческой честности», неуплате, хотя бы частичной, долга своим кредиторам. Какой контраст «Нуворишу Нюсинжену», контраст, подчеркиваемый самим Бальзаком в предисловии к «Дому Нюсинжен», выводящим отсюда «целое социальное поучение», разумеется, не в пользу Нюсинжена!

Старинный буржуа еще не привык рассматривать своих слуг только как орудие своей выгоды. Он весьма жестоко муштрует их, держит их в черном теле (как, впрочем, и своих дочерей), но зато он видит в них людей, своих близких, а не механизмы для извлечения прибыли. Так относится Гильом к Жозефу Леба, а Бирото — к Ансельму Попино. Старый буржуа свято хранит семейные заветы. Он, как Бирото, безупречный семьянин, прекрасный муж, заботливый отец. Как покоен, прочен и размерен его домашний уклад, эта мирная тишина невозмутимого существования, не нарушаемого никакими страстями и тревогами! Как целительна эта гармония, этот «фламандский» уют и добронормальность по сравнению с истощающей горячкой капиталистической борьбы всех против всех! ¹

Таким образом старая буржуазия, в противоположность новой, была бы немислима без патриархальных основ, на которых покоится ее существование. Поэтому ей не только не тесно в рамках старого режима, но, наоборот, она всем своим существом органически связана с ним. Отсюда ее преданность королю, безусловное признание превосходства аристократии, полное почитание своего места, подчиненного места в обществе, за что ее особенно превозносит Бальзак.

Шеналь («Музей древностей») — буржуа по своему положению и занятию, но он безусловно предан д'Эгриньону и разделяет все его аристократические понятия о превосходстве знатного над низкородным. Высшее счастье этого бескорыстного слуги — это «собственной рукой удерживать от падения одно из самых знатных генеалогических древ королевства», отдать дому д'Эгриньон все свои сбережения, чтобы избавить его от позора.² И Бальзак скорбит об исчезновении этой прежней феодальной привязанности слуги к господину.³ «Чувство феодальной привязанности слуги к господину, сохранившееся только в глубокой провинции да еще

¹ См., например, монолог Бальзана о фламандской жизни в «Поисках абсолютного».

у некоторых старых королевских слуг, давало честь *оржаникам*, и дворянству, внушавшему подобие привязанности, и буржуазии, способной воспринимать их. Такая благородная и чудная преданность теперь уже невозможна («Музей древностей»).

С гибелью феодального общества гибнет и тесно связанная с ним патриархальная буржуазия. Ее добродетели — неравное оружие в борьбе с «принципом денег». Цезаря Бирото губит его благородство и доверчивость, его честность и простодушие. Разве устоять ему против дю Тилье, которого он великодушно простил, спас от позора и вывел в люди? Бальзак подчеркивает, что заговор дю Тилье против Цезаря Бирото был не только личным его делом, а имел более широкое и типическое значение. За спиной дю Тилье стоят Нюсинжены и Келлеры, вся новая капиталистическая олигархия, которая в Бирото видит одну из кардинальных сил старого режима. «Цезарь Бирото, роялист, бывший в чести и вызывавший зависть, сделался точкой прицела для буржуазной оппозиции» («Кузина Бетта»).

В лице Бирото, Рагона и т. д. для Бальзака погибает единственная форма положения буржуазии в нормальном обществе, единственно правильная и возможная пропорция в соотношении буржуазии и других общественных сил. Здесь причины его симпатий к Бирото и Гильомам.

Так что же, отказаться от современной цивилизации, вернуться к патриархальным временам, не знавшим еще ни власти золота, ни господства корысти, возвратиться к деревянным ложкам и шалашам? Но Бальзак отнюдь не склонен к мечтаньям в романтическом духе. Вот перед нами медвежьи уголки глухой провинции, отрезанные от современной жизни: деревня Монтецьак, «забытая администрацией, заброшенная дворянством, проклятая промышленностью», или горная деревня возле Альп, о которой доктор Бенаси говорит, что «ни одно политическое событие, ни одна революция не доходили до недоступной и живой впе социального движения страны» («Сельский врач»). И что же? жизнь их обитателей никак не похожа на аркадскую идиллию. В деревушках процветает голод, нищета, болезни, невежество, дикость.

Но вот появляется бескорыстный и неутомимый цивилизатор Бенаси. Он обучает жителей ремеслам, плетению корзин, кузнечному и строительному делу, производству шип. Население быстро богатеет, нужда и болезнь исчезают, распространяется грамотность. Через какие-нибудь два-три года ободранная, убогая деревушка превращается в зажиточное, чистенькое местечко. Такое же волшебное превращение происходит и с Монтецьаком.

где госпожа Граслен и свиванник Вониз проводят кавалера и дороги, развивают рациональное сельское хозяйство. Но Бенаси и госпожа Граслен вовсе не какие-нибудь сви-симонисты. Экономическая программа Бенаси весьма напоминает Адама Смита — разумное развитие личной инициативы, свобода производительной деятельности, трудолюбие, «честная собственность»: «Промышленность можно спасти только при помощи ее же самой; конкуренция — это ее жизнь. Страна, превратившая все другие страны в своих данников... вот к чему должно стремиться французское правительство» (там же).

Но ведь эти принципы есть именно те принципы, которые, будучи ничем не стеснены, приводят рано или поздно к торжеству ненавистного Бальзаку «финансового начала», ведь в основу экономической реформы Бенаси положен закон индивидуальных выгод: «А главное, я, наконец, понял, — говорит он о крестьянах, — что на них можно воздействовать лишь расчетом на выгоду и на непосредственное благосостояние» («Сельский врач»).

Значит, эгоизм, личный интерес не только разрушительная, но одновременно и созидательная сила. Если господство эгоизма над патриархальными началами, воплощенное в буржуазной цивилизации, ведет к дисгармонии и губительным социальным контрастам, то его полное подчинение патриархальным началам погружает общество в косное, полунстинктивное состояние, в нищету и невежество; если у человека нет никаких личных потребностей, то он ни к чему не стремится, никуда не двигается, исчезают самые могучие стимулы для развития не только материальной, но и, что не менее важно для Бальзака, духовной культуры.

Мы видели, как привлекательна для Бальзака невозмутимая патриархальная гармония, воплотившаяся так ярко в старинном буржуазном укладе фламандских городов, с их размеренным, неторопливым течением жизни, простыми радостями и печальми, семейным уютом. Но вместе с тем, как убого и плоско, как мелочно это идиллическое существование! Вот перед нами тщательно описанная домашняя жизнь честного Гильома, одного из таких «фламандцев». Это воплощение семейных добродетелей, порядка и размеренности. «Ничто не возмущало покоя торжественного дома, где дверные петли, казалось, всегда были смазаны маслом, а все вещи домашнего обихода отличались почтенной чистотой, свидетельствующей о порядке и бережливости» («Дом кошки, играющей в мяч»). Никаких развлечений и удовольствий, в доме господствует неустанный призывания и обязанности, «выполняемые с монастырской точностью». «Это была жизнь деятельная и

в то же время неподвижная, род механического и бессознательного существования, напоминавшего существование бобров. В этой затхлой атмосфере семейного благополучия и мешавский морали нет места ни беззаветной страсти, ни яркому чувству, ни сильному движению души. Гильомам «настоящая страсть должна была казаться самой чудовищной спекуляцией»... В этом доме «всклал мысль, зараженная поэзией, должна была противоречить и людям, и вещам». И поэтому как уныло бесцветны и скучны все эти хорошие матери, верные жены, расчетливые хозяйки, не способные ни на смелый поступок, ни на остроумную фразу, ни на все те бесконечные оттенки и переливы чувства, которые любовь делают всепоглощающим фокусом жизни — все эти Огюстины Гильом, Евгении Гранде, госпожи Гюло и т. д. Трагическое положение патриархальной добродетели при столкновении с требованиями цивилизации показывает Бальзак на примере печальной судьбы Огюстины Гильом («Дело об опеке»).

Царство всеобщей посредственности, гармония плоскости, — вот неизбежный спутник этого существования «бобров», столь привлекательного своим покоем и уравновешенностью. Патриархальный мир воспитывает добродетель в человеке, но одновременно воспитывает и ограниченность. Добродетельный человек, лишенный всяких эгоистических и корыстных побуждений, лишается вместе с тем и всяких ярких, своеобразных черт. Совершенство всегда однообразно, бесцветно, однотипно. Характерно, что сделать интересным добродетельное лицо Бальзак считает «трудной литературной проблемой». «Праведник — это скучный Грандиссон» («Кузвы Понс»). Бальзак вместе с Бенаси сомневается, таким ли уже высоким идеалом будет являться общество, состоящее сплошь из добродетельных людей, не прекратится ли в нем всякая жизнь вместе с исчезновением борьбы страстей и эгоизмов? «Убить страсти — значит убить общество, которое если не порождает, то развивает их» («Банкирский дом Пюсинькена»). Абсолютная общественная гармония в силу своей неподвижности обладает не меньшими недостатками, хотя и на другой лад, чем абсолютная общественная дисгармония: «Без движения не могут существовать ни промышленность, ни торговля, ни обмен мнений» («Сельский священник»).

• В противоположность этому, буржуазная цивилизация, развивая все эгоистические стремления человека, развивает вместе с тем, хотя и в уродливой, ненормальной форме, его индивидуальное богатство, создает разнообразие страстей, характеров, мыслей

и поступков, проявляющиеся, правда, в эксцентрической и безразличной форме преступлений и маний.* Конечно, Теодора из «Шагреновой кожи» — это олицетворение современного общества, «искусственной поэзии света, мишуры, суеты», но она воплощает в себе блеск, изысканность, ум, грацию, манеры, одним словом — любовь, которая и убивает, и приводит в движение все человеческие способности», о которой мечтает Рафаэль. Теодора — «воплощение всех его надежд и мечтаний». Превосходство Теодоры над Полиной (в первой части романа) не есть природное превосходство, так как Полина по своим задаткам во всех отношениях выше Теодоры, как это оказывается под конец, это превосходство создано превосходством цивилизации над патриархальным состоянием.

По сравнению с бесцветностью добродетельных мещан у Бальзака, какими гигантами представляются его преступники и хищники! Сколько ума, энергии и воли у Вотрена, как тонко и искусно плетет свою паутину Нюсинжен, какую адскую неутомимость и настойчивость обнаруживают дю Тилье и дю Круазье! Как остроумны, обаятельны и блестящи де Марсе — это «чудовище разврата», Максим дю Трай — «соединительное звено между большим светом и каторгой», эти «бравы» современной цивилизации! По своей одаренности и духовной силе они на несколько голов выше своей добычи — честных простаков, но такими делает их как раз полное отсутствие запрета, беспредельное развитие эгоистических appetitов. Это тигры, столь же опасные, сколь великолепные.* Бальзак осуждает их, но не может скрыть своего восхищения ими. «Этот человек, — говорит он о Вотрене, — в котором являлись, как бы в сокращенном виде жизнь, сила, дух, и страсть, и каторга, и который представлял самое высокое ее выражение, — разве он не был чудовищем прекрасен в своей чисто собачьей привязанности к тому, кого он избрал себе в друзья?» Такой же притягательностью обладают для Бальзака и герои «Истории 13», «Эти особые существа, столь примечательные своей энергией, столь привлекательные при всей своей преступности» («История 13»). Восторгаясь могучим проявлением энергии, воли, ума, страсти, Бальзак склонен даже оставить в стороне моральную цель. «Истинная страсть прекрасна сама по себе. Бальзак, подобно коллекционеру, неустанно отыскивает сильные страсти, которые «так же редки, как и великие произведения искусства» («История 13»).* Но что такое страсть, как не эгоизм? Всякое чувство эгоистично.* «Некоторые моралисты думают, что любовь вполне произвольная страсть, что она более бескорыстна, чем все другие чувства... Такое мне-

ние — грубая ошибка. Любовь есть страсть вполне естественная («Вирот»). И в свою очередь «зло быть может быть во что хоро», как жестокое излечение. Кто может определять то, где страсть становится болезнью и где болезнь еще слаборазвита («Шагреневая кожа»).

Итак, для Бальзака сила и яркость индивидуального чувства, духовная культура так же неотделима от эгоизма и эгоистичности инстинктов, как и экономический прогресс. Уничтожение личной выгоды, «этот величайший двигатель ума» («Пьерот»), и вы отнимете могущественнейший стимул общественного развития; жизнь превратится в растительное проявление, в «существование бобров», исчезнет материальное благосостояние, образование, культура, искусство, чувство, страсти. Эгоизм, таким образом, получает вообще силу жизненного закона: «природа обосновала человеческую жизнь на чувстве личного самосохранения, а фундаментом общественной жизни является личная выгода» («Сельский врач»).

Следовательно, буржуазная цивилизация уступает патриархальному состоянию и превосходит его в то же время. Она развивает и хорошие и дурные стороны человека. «Человек ни хорош, ни зол, он рождается с инстинктами и с склонностями. Общество, далекое от того, чтобы его портить, как предполагал Руссо, совершенствует его, делает лучшим, но стремление к выгоде, в свою очередь, развивает его дурные склонности» (Предисловие к «Человеческой комедии»).

Таким образом, присутствуя при «последних роковых» цивилизации и патриархального состояния, буржуазного и аристократического общества, Бальзак выступает в качестве трезвого и беспристрастного судьи. Он далек от своекорыстных, зоологических побуждений, руководящих как либеральными апологетами «прогресса», так и аристократическими защитниками «доброт старого времени». Он хочет установить истину, объективные законы общественного развития и процветания. И поэтому он находит, что обе стороны неправы, что каждая из них имеет свои преимущества и недостатки. Но вот беда, эти преимущества и недостатки органически связаны между собой, составляют, в сущности, одно и то же. Бальзак прекрасно видит это. Эгоизм, чувство самосохранения — неотъемлемый закон человеческой природы. Его развитие — могущественный двигатель материального благосостояния, индивидуального развития, ума, страстей, чувства, культуры, науки, искусства, но в то же время его развитие — не менее могущественный двигатель господства «финансового начала», разрушения общественного согласия, па-

воляжи личности, упадка искусства, преступлений, маний, разрушения всех общественных оживей, саморазрушения человека.

В свою очередь патриархальное бескорыбие, принцип чести также основаны на другом, не менее важном законе природы — биологическом тяготении человека к себе подобным, проявляющемуся в семейном инстинкте, в первую очередь. Именно этому закону общество обязано своим существованием как общество, на нем основаны патриотизм, гражданское мужество, самопожертвование, любовь, дружба, умение ценить художественную форму, научные интересы и т. д., словом, все связи, соединяющие людей друг с другом, все добродетели и достоинства человека — и общественные, и домашние, но, с другой стороны, господство «принципа чести» влечет за собой отсутствие потребностей, нищету, неподвижность, умственную косность, невежество, бесцветность, плоскость, посредственность.

К тому же «доброе старое время» таит само в себе семена своего разложения. Капиталистическое общество вовсе не случайное по отношению к нему явление, но его собственный продукт. «Принцип чести» очень легко переходит в «принцип денег». Изображение этого перехода принадлежит к числу замечательнейших прозрений художественной диалектики Бальзака. Бирото, Гильом — представители старинного купечества, строго сохраняют заветы традиционной честности и добродетельности, составляя в этом смысле резкий контраст миру капиталистических мошенников. Но вместе с тем этот мир есть плоть от плоти того мира. Как установить грань между честной торговлей и надувательством, если эта честная торговля не обходится без того, чтобы не «подставить ножку соседу, законно, конечно», как говорит добряк Гильом? И сам Бирото, этот мученик коммерческой честности, не прочь допустить надувательство, невинное, впрочем, по сравнению с аферами Нюсингена. Он знает, что его бальзам для рошенил волос далеко не столь целебен, как он его рекламирует: «Если бы в наше средство не входило немного орехового масла и духов, под каким предлогом стали бы мы его продавать по три-четыре франка за четыре унции?» («Величие и падение Цезаря Бирото»).

Никакой стороне нельзя, следовательно, с точки зрения Бальзака, отдать б о ж е с л о в н о е предпочтение. Пути назад нет, да и сам по себе он был бы регрессом, возвращением к патриархальному варварству, к «феодалному мечу». Примириться с настоящим положением вещей невозможно, так как оно грозит новым капиталистическим варварством, «феодализмом денег». Так где же искать выход?

Возможен ли третий принцип, возможна ли связь между этими двумя, основанная не на корысти, и вместе с тем на высшем уровне цивилизации, иными словами, возможно ли общественное устройство, исключающее феодализм и капитализм?

• Что такой выход из положения может быть допущен хотя бы в теоретической форме, Бальзак, живший в эпоху расцвета симонизма, фурьеризма и демократических заговоров, знал и не мог не знать. • Вопрос, «могут ли общие интересы изменить семью» («Сельский священник»), уже встает перед ним. • Бальзак понимает, что радикально-демократические и социалистические учения не беспочвенны, что в их лице выступает на историческую сцену «четвертое сословие», новая грозная сила, которая одинаково угрожает всем собственническим классам — и аристократии и буржуазии; это — немущие классы: пролетариат, обезземеленное крестьянство. Назревает новая, великая историческая битва, перед которой бледнеет распря между аристократией и буржуазией, превращаясь во фракционную борьбу внутри единого лагеря собственников. Там шла речь о форме собственности и привилегий, здесь же поставлен вопрос о существовании частной собственности и привилегий вообще. •

• Поскольку стремления народных масс совпадают с собственными поисками Бальзака того пути общественного развития, который, не возвращая человечество назад к патриархальным временам, вместе с тем вывел бы его из противоречий капиталистического строя, Бальзак не может не сочувствовать этим стремлениям; более того, он признает за ними законное основание в отличие от либералов, считая их вполне естественным и закономерным явлением. •

Для объяснения нищеты народных масс апологеты капитализма имели наготове известный рецепт манчестерского образца: бедняк только ленивый и порочный. Трудлобие же ведет всегда к богатству, посему всякая критика существующего положения вещей есть плод преступных наклонностей и испорченного ума, фантазии бездельников о черноморском супе и золотых ложках, по выражению бессмертного Баундерби из «Тяжелых времен» Диккенса. Эти общие места пошлой либеральной мудрости для Бальзака не имеют никакой убедительности. • Народная нищета, рабство бедняка, с его точки зрения, такая же необходимая основа «денежного феодализма», как крепостное право — для «феодализма меча». Самая механика капиталистического строя с неизбежностью обрекает подавляющее большинство, и как раз трудящееся большинство нации на зависимое, полуголодное существование. •

Эту механику прекрасно раскрывает для Фуршон, возражая аббату Броссету: «Я видел старые времена и вижу новые. Вывеска переменилась, это правда, но вино осталось прежним. Сегодня только младший брат вчерашнего дня, разве мы свободны! Мы попрежнему приписаны к тем же селениям, и барин для нас попрежнему существует... Буржуа живет на счет крестьянина. Раньше нас приковывало к деревне крепостное право, теперь мы, якобы, свободны, но мы все-таки не можем тронуться с места.* Плевать мне на то, что именно меня здесь держит, это ведь безразлично. В силу ли закона, нужды или по желанию господ, но дело в том, что мы всегда принуждены копать землю» («Крестьяне»).* И Бальзак вполне признает справедливость этой горькой речи. «Фуршон был прав, буржуазия замещала дворянство». Но можно ли тогда обвинять бедняков, стремящихся выбиться из-под ярма, в безнравственности и испорченности, как это делают буржуазные филистеры? Напротив, Бальзак полагает, что если где и сохранились в нынешнем обществе остатки добродетели, честности и нравственного достоинства, так это только у столь презираемых и брезгливо третируемых «приличным обществом» низших классов. Бальзак погружается на самое дно современного общества.* Он внимательно изучает быт и нравы крестьянства и городской бедноты, ее нищеты и бедствий: «Я разложил разнородные элементы массы, называемые народом, анализировал его, чтобы иметь возможность взвесить его хорошие и дурные стороны. Я понимал, какую пользу я вынесу из изучения этого предместья, рассадника революции, заключающего в себе героев, изобретателей, ученых и людей практических, мошенников, негодяев, добродетели и пороки, сдавленные нищетой, заглушенные нуждой, потопленные в вине, истощенные крепкими напитками... Я входил в их жизнь до того, что ощущал на своей спине их рубища, а на ногах их дырявую обувь, их желания, потребности переходили в мою душу, и заодно с ними негодовал на начальников мастерских за их притеснения или на дурных заказчиков, вставлявших их несколько раз напрасно ходить за деньгами» («Фачино Канэ»).* Бальзак полон глубокого сострадания и симпатий к маленьким людям, к их радостям и печалим. Прочтите описание свадьбы в рабочей семье с ее заразительно непринужденным, чуждым лицемерной буржуазной пристойности весельем (см. «Фачино Канэ»). Или это укасающее изображение «отверженных» в «Деле об опеке», жертв неумолимых законов капиталистического города. И, сравнивая нравы этих людей, обреченных на адскую, каторжную жизнь, с нравами «общества», Бальзак отдает предпочтение первым. Разве можно найти среди Нью-

сиреневых и Тайферов таких честных людей, как семья бедняка-столяра, в которой живет раскольник из «Фалшино Кан», то вот, сам Бальзак, таких самоотверженных и бескорыстных друзей, каким был водовоз Вурка, этот «святая», ставший для знаменитого хирурга Девлена в годы его бедствий «внимательной матерью», самым чутким благодетелем», спасшим его от голодной смерти и выведшим его в люди; и при этом «у Вурка никогда не вырвалось словечка, ни малейшего жеста, которые бы говорили: «за этот человек всем мне обязан» («Заупокойная обедня атеиста»).¹ При всяком удобном случае Бальзак демонстративно обнаруживает свои симпатии к «черной кости».

Этот демократизм Бальзака, образующий один из важнейших, хотя и, так сказать, подземных, подспудных источников и движущих причин его развития и как мыслителя и как художника, является не только безотчетной, инстинктивной симпатией к бедным людям, но и связан с попыткой Бальзака возвыситься, как мы видели, до теоретического понимания хода вещей. Поэтому Бальзак не может не питать невольного уважения к тем людям, которые в тридцатых годах защищали интересы народных масс, к революционным демократам и утопическим социалистам. Ведь у него с ними общая исходная точка. Он, подобно им, пытается возвыситься над исторической противоположностью феодализма и капитализма. «Единственные люди, о которых он говорит с нескрываемым восхищением, — отмечает Энгельс, — это его наиболее ярые противники, республиканские герои Cloître Saint Merri, люди, которые в то время (1830 — 1836) были действительными представителями народных масс». С какой симпатией рисует Бальзак своих демократических героев на страницах «Человеческой комедии», какими привлекательными чертами он наделяет их, изображая их прямооту, честность, бескорыстие, их благородные мечты о переустройстве общества на разумных началах, их гордое отрицание всякого компромисса с существующим положением вещей! Вот дядя Пильеро, «человек далеко недюжинный, честный, скромный... христианин стойкий... благоразумный и пронырливый... сильный духом... по убеждениям своим он принадлежал к крайней левой, он стоял за расширение прав рабочих» («Цезарь Вирото»). Вот старый якобинец Изаерон, «твердый, как железо, и чистый, как золото... Ни одна чужая копейка, ни один чужой сушок никогда не попадали в руки этого благородного республиканца. У революции было много поэтов, пахотных

¹ «Маркс и Энгельс об искусстве», «Советская литература», 1933 г., стр. 195.

на старика Ниаарона, которые осуществляли свою поэзию на полях битвы посредством всевозможных подвигов, поэтов, погребенных под обломками пронесшейся бури» («Крестьяне»). Вот сен-симонист Мишель Кретьен. «Этот великий государственный человек, который, быть может, изменил бы лицо мира, умер в Сен-меррийском монастыре, как простой солдат, — оплакивает его Бальзак, — пуля какого-то торговца убила там одну из благороднейших натур, ходивших по французской земле» («Утраченные иллюзии»).

Но при всем том Бальзак не может стать на сторону демократов и социалистов, потому что они идеалисты и мечтатели. Они далеки от действительности, они также превратно изображают народ, как и их противники, хотя и вполне искренно, в отличие от последних, впадая в другую крайность. Они убеждены, что народ, в противоположность эгоизму имущих классов, — воплощение бескорыстия, альтруизма и всяческих добродетелей, что бедняку так же свойственно заботиться о всеобщем благе, как богачу — о своем собственном. Но такое представление, с точки зрения Бальзака, — чистейшая химера. Человек, кем бы он ни был, богачом или нищим, аристократом или мещанином, заботится прежде всего о своей собственной шкуре. Народ относительно выше в моральном отношении, чем привилегированные классы. Но и народные массы в своей борьбе против эксплуататора руководятся отнюдь не книжными соображениями справедливости и гуманными идеалами, а весьма прозаической жаждой благ земных, грубыми, эгоистическими интересами. Настоящие крестьяне и пролетарии, как небо от земли, отличаются от сентиментальных и кротких пейзаев деревенских повестей Жорж Санд и добродетельных бедняков из «Отверженных» Гюго. Это Фуршон, Тожеар, Куртисе. Это жадные, завистливые, злобные, метильные, «грызуны», как их называет Бальзак, он не осуждает их за это, он чужд добродетельному буржуазному негодованию и воплям об «испорченности низших классов». В силу закона самосохранения так же естественно для имущих защищать свое добро, как для немущих посягать на него, но, с другой стороны, по мнению Бальзака, нельзя и кавалитировать, как это делают демократические писатели, истинную суть плебейских устремлений к шиспровержению существующего строя.

А Речь идет вовсе не о победе «гуманности и человечности» над «бескорыстием», как полагают демократы, или о торжестве «честности» над «лжью», как утверждают либералы. Современная борьба классов есть борьба эгоизма немущих против эгоизма имущих,

материальных интересов пролетариев против материальных интересов собственников и аристократов и буржуа. Что выгодно для общества в целом, для его успешного нормального развития — победа эгоизма пролетариев над эгоизмом собственников или эгоизма собственников над эгоизмом пролетариев? Вот в чем заключается существо дела.

Что же произойдет, если неимущие массы захватят власть в свои руки? По мнению Бальзака, это событие, демократическая революция или социалистический переворот, было бы величайшим несчастием для общества, и не только для привилегированных его верхушек, но прежде всего для самого народа. Бальзак не верит в историческую самостоятельность неимущих масс, в их способность к духовному руководству и политическому господству. «Он, — говорит доктор Бенаси о «бедном и страдающем классе», — не способен принять участия в управлении страной. Пролетарии мне представляются несовершеннолетними детьми народа и всегда должны оставаться под опекой» («Сельский врач»). С точки зрения интересов самого народа он должен подчиниться руководству мудрых и просвещенных классов, — а условием их существования является собственность, богатство, «владения земельные и денежные — единственная твердая основа правильного общественного строя» («История 13»). Уравнительные возжелания народа поэтому, «в виду политических соображений, должны быть беспощадно подавлены». «Опека над массами народа кажется мне (т. е. Бенаси. — *Ред.*) справедливой и необходимой для поддержки общества» («Сельский врач»). *

Таким образом, объективно демократическая исходная точка рассуждения Бальзака заканчивается консервативными выводами. * Поэтому, несмотря на нескрываемое восхищение своими демократическими героями, Бальзак восстает против них, как своих опаснейших политических противников, всячески подчеркивает их фантастичность и мечтательность. * «Изаэрон сделал бы республику возможной, если бы мог воспитать своих сограждан» («Крестьяне»). Но так как это невозможно, то мечтания Изаэрона в действительности служат превосходным средством прикрытия самых нечистоплотных, грязных интересов. Изаэрон заметил во французской революции только ее поэтическую, блестящую сторону, он не заметил, что жертвы бескорыстных патриотов послужили на пользу только Гобертенам и Ригу. Но в том-то и состоит опасность этих мечтаний, что их возвышенной теории соответствует самая грязная практика («Темное дело»). Поэтому в предисловии к «Крестьянам»

Бальзак резко обрушивается на демократических писателей, на этих «придворных льстецов, унаследованных народом от старого режима». Но Бальзак не хочет «льстить» народу, он хочет доказать ему, что в его же собственных интересах не слушать «льстецов» и не стремиться к господству, а принять тот выход из положения, который предлагает ему он сам. Что же это за выход? Это реформа собственнического общества, но не его уничтожение.*

Если ни «честь», ни «деньги» не могут самостоятельно в чистом виде быть основанием правильного общественного порядка, то Бальзак пытается решить затруднения соединением этих двух принципов. Его идеал — это некое «среднее состояние» между феодализмом мечи и феодализмом денег*. Если «убить страсть значило бы убить общество, которое, если не порождает, то, во всяком случае, развивает их», если «мысль и страсть — явления социальные, то в то же время они явления разрушительные». Значит, «народы можно сделать долговечными только укротив их жизненный порыв» («Предисловие к «Человеческой комедии»), то есть укротив эгоистические стремления к выгоде, заключив их в известные границы, установив с их помощью твердую границу «между необходимостью устроить свое состояние и пользой разнузданности комбинаций» («Кухня Бетта»). Принцип «чести» призван, таким образом, обуздать разрушительную силу «финансового начала», которое, в свою очередь, должно устранить косность «принципа чести». Но соединение этих начал не может быть ведь их простым сосуществованием; общество — не механический агрегат, а организованное целостное единство, подчиняющееся одному принципу. Следовательно, либо «деньги» должны быть подчинены «чести», либо «честь» — «деньгам». Бальзак избирает последний способ. Прочный фундамент всякого общественного порядка все же заключается в тех принципах, на которых держался феодальный строй, в принципах чести, потому что они, как-никак, остаются единственно возможными формами общественных связей, если отбросить в сторону утопический социализм.*

Как бы на много ни уступала патриархальная жизнь буржуазному обществу в блеске, размахе, широте и разнообразии, все же она бесконечно превосходит его в одном отношении, и притом самом важном для человека, в сохранении необходимого минимума его физического существования, его жизнедеятельности, которая буржуазная цивилизация уничтожает всеми способами. »

Бальзак не только подвергает едкой критике политические и социологические учения либеральной буржуазии, но и противопоставляет им свою целостную, положительную теорию. Выступая Бальзака на законы и характер общественной жизни сформировались, несомненно, под сильным влиянием публицистов и лидеров аристократических партий, особенно Бональда и Ж. Мистраль.

Как мы видели, Бальзак осуждает и считает гибельным основной принцип буржуазных общественных учений — первичность индивидуума, личной свободы. «Атомистической» доктрине «естественного договора» он противопоставляет «органическую» теорию общества. Общество — не механическая совокупность индивидов, не произвольное их изобретение, а живой организм, образовавшийся помимо воли и сознания людей. Все общественные связи складываются тысячелетиями стихийно, бессознательно, как традиции, безотчетные верования, привычки, инстинктивные импульсы. Поэтому естественное основание общественного порядка составляет не индивид с его интересами и расчетами, а эти, так сказать, доиндивидуальные, досознательные отношения, и, в первую очередь, те из них, которые имеют характер биологического инстинкта, как, например, семейные отношения. «Я рассматриваю семью, а не индивиды, как подлинную основу общества. В этом отношении, несмотря на возможность быть понятым в качестве ума отсталого, я примыкаю к Боссеюэ и Бональду, вместо того, чтобы быть с современными новаторами» («Предисловие к «Человеческой комедии»).

Подобно тому, как в естественной первичной общественной клеточке-семье не существует равенства, точно так же и во всей совокупности общественной структуры его нет и быть не может. Тождественные друг другу индивиды такая же абстракция, как общественный договор. «Люди от природы не одинаковы по своим силам и способностям, разделенные они на различные и различные классы поэтому вполне естественно!»

Каждый из этих классов одинаково необходим и важен для нормального функционирования общественного организма. Так, «аристократия есть своего рода мысль общества, так же, как буржуазия и пролетариат — его организм и действительность. Отсюда различие в точках приложения их сил; из их антагонизма происходит кажущаяся антипатия, порождаемая различием действий, имеющих тем не менее одну общую цель» («История 13»).

Семейному эгоизму противостоят в качестве противовеса чувство кастового единства, те традиции, на которых помыта существование касты, вытекающие из ее общественного положения. Для дворянства это — честь, рыцарская доблесть, для буржуазии — честность и бережливость, для народа — смирение, трудолюбие. Полного своего выражения авторитарный принцип достигает в королевской власти, этом воплощении единства воли и ума всей нации.

Король отвечает только перед богом, перед религией, эти «единственным, по-настоящему действительным противовесом злоупотреблениям верховной власти («Сельский врач»). «Религия — высший принцип обуздания эгоизма и порочности индивидуальных, семейных, классовых, какие только возможны, в человеческом обществе?»

«Религия является высшим формообразующим началом общества: «Христианство, в особенности, католичество, как я показал в своем «Сельском враче», представляя собою целостную систему подавления порочных стремлений человека, является величайшей основой социального порядка» («Предисловие к «Человеческой комедии»).

Это восхваление старых патриархальных основ Бальзак с присущей ему всесторонностью развивает во всех деталях. Мы не можем здесь следовать за ним по условиям места, а ограничимся несколькими наиболее яркими примерами.

«Бальзак защищает старую судебную систему, которая не знала изв буржуазной юстиции, зависимой и подкупной, потому что судья в старой Франции был вполне самостоятелен и независим».

Бальзак отстаивает старинные народные верования и предрассудки против буржуазной системы народного просвещения, которая «не приносит выгоды государству, потому что в ней нет ни веры, ни чувства»...

Бальзак заходит так далеко в восхвалении консервативных начал, что даже чуть ли не в духе знаменитых страниц де Местра о палаче защищает смертную казнь, как «великую поддержку для общества» («Сельский священник»), а известную книгу Гюго — этот либерально-демократический манифест против смертной казни — «Последний день приговоренного», называет «бесполезной проповедью».

«Открытое освящение общественного неравенства, предоставление преимуществ аристократии, поддержка крупной земельной собственности экономических основ существования, отстранение буржуазии от политического господства, сосредоточение всей полноты исполнительной и законодательной власти в руках ко-

роля, превращение парламента в совещательный орган из старинный образец, обуздание прессы, возвращение религии, восстановление господства над духовной жизнью страны и особенно над богатым и образованным, исполнительный поддержка кантонным, иными словами, сохранение и укрепление всех феодальных патриархальных условий, в качестве сдерживающих элементов — вот исходный пункт «среднего состояния», его господствующими элементами.*

Однако, эта программа вовсе не означает в устах Бальзака возвращение к старым дореволюционным порядкам, со всеми их отрицательными сторонами. Указанные принципы должны иметь своей основой не патриархальную отсталость, а все преимущества новейшей цивилизации, должны быть соединены со всеми достижениями промышленности, культуры и искусства индивидуального развития. Соответственно этому и самые принципы, сохраняя свою сущность, должны изменить свою внешнюю форму.

Прежняя аристократия сохраняла свое действительное превосходство над другими классами до тех пор, пока основной силой в обществе была физическая сила, вооруженное насилие. Дворянство той эпохи сложилось из военачальников и предводителей дружин, но в новое время общественной силой стали богатство, ум и талант. Следовательно, в основу теперешнего существования аристократии должно быть положено превосходство, основанное на этих трех силах: «Времена изменились, изменилось и оружие. Дворянин, которому встарь достаточно было носить кольчугу и панцирь, хорошо владеть конем и гордо держать свое знамя, должен ныне доказать еще свои умственные способности. Там, где нужно было только обладать великим сердцем, в наши дни требуется также и объемистый череп. Искусство, наука и деньги образуют общественный треугольник, который вписан в гербовый щит власти и из которого должна произойти новая аристократия» («История 13»).

Бальзак пропагандирует господство аристократического начала и иерархическое общественное устройство не потому, что он проникнут реставрационными воззрениями, а потому, что он видит в нем единственный способ разрешить все противоречия общественного развития, примирить классовый антагонизм, видит в нем систему, выгодную всем классам и, прежде всего, и а р о д у. Так как народ, как мы уже узнали от Бальзака, не способен к самостоятельности и должен всегда в своих собственных интересах оставаться в подчинении, то ему нужно выбрать одно из двух: либо подчиниться замаскированному формальной демократией

и равенством «почтеному» господству буржуазии, которая, высасывая из него все соки, ничего не дает ему взамен, держит его в рабство, еще худшем, чем феодальное, либо подчиниться открытому господству новой аристократии лучших людей страны. Это одна из основных пропагандистских целей «Крестьян». Новая аристократия будет править в интересах народа, это ее прямое назначение. Ее привилегированное положение не только не дает ей исключительные права, но и налагает на нее исключительные обязанности. Если аристократия свои преимущества обратит исключительно в свою собственную, узкую эгоистическую пользу, забыв о своих обязанностях перед народом, она не достойна своего назначения и народ, «нынешний суверен», вправе свергнуть ее («История 13»).

В свою очередь Бальзак и буржуазия доказывает преимущества своей системы.

Стремясь погубить аристократический иерархический строй, буржуазия губит сама себя. Натравливая народ, без которого она не может достичь своих целей, на аристократов, разжигая в нем опасную жажду равенства, буржуазия готовит своего могильщика: «Свергни, не дай бог, буржуазия под знаменем оппозиции социальные господствующие верхи, против которых восстает ее тщеславие, за этим торжеством сейчас же последует борьба буржуазии против народа, который позже увидит бы в ней своего рода знать, правда, мелкую, но чьи богатство и привилегии стали бы ему тем более ненавистны, чем ближе он их ощутил» («Сельский врач»).

Таким образом, с точки зрения интересов самой же буржуазии, ей необходимо обуздать свои аппетиты, уступить часть, чтобы не потерять всего, подчиниться аристократической иерархии. Тем более, что, по провисту Бальзака, ее лучшие представители получают полную возможность подняться в ряды «новой аристократии».

И, наконец, выгоды своей системы Бальзак объясняет дворянству. Ведь ему принадлежит в «среднем состоянии» исключительно почетная и преобладающая роль. Ведь образование новой аристократии должно произойти не путем какого-то соглашения или договора. Необходимо примкнуть к уже существующим в обществе аристократическим традициям и преобразовать их. А носителем этих традиций является дворянство, оно служит тем естественным материалом, в силу преимуществ своего многовекового привилегированного существования, из которого сформируется новая аристократия («История 13»).

Образ жизни, воспитание и образование — все это делает дворянина от рождения предназначенным для заслуженно гонимого положения в обществе. Дворянство как класс во много раз более способно к роли новой аристократии, чем буржуазия.

Но современное дворянство не поняло необходимости приспособления к условиям нового времени. Оно забывало о том, что времена переменились, продолжая жить в области исторических воспоминаний, потеряв свои исторические права на привилегии.

Дворянство, все еще живя мечтами о восстановлении изживаемого дореволюционного порядка, все еще сохраняет свою связь и надменность, отвернулось от современности, от великого движения умов, науки и искусства, не понимая, что, если оно не овладеет этими могущественными силами, созданными буржуазной цивилизацией, они обратятся против него.

К чему же привела эта политика слепого сопротивления духу времени? К тому, что дух времени не только внешне победил дворянство, но и внутренне. Он проник в его ряды, разложил чувства кастовой солидарности и дисциплины. Роковое действие эгоизма, обособив дворянство от интересов нации, вслед за этим неизбежно обособило интересы отдельных дворян от интересов своего класса.

Желая сохранить себя в чистоте от буржуазных влияний, дворянство кончило тем, что целиком подчинилось им. Дворянство заразилось буржуазным торгашеством, охвачено губительной жаждой денег. «Оно продавало свои земли, чтобы играть на бирже» («История 13»)* «Падение его не заключало в себе ничего громкого, ничего рыцарственного. Эмиграция 1789 года еще обнаруживала какие-то чувства; в 1830 году эмиграция внутри страны обнаруживает уже только один материальный расчет» (там же).

Эти взгляды Бальзак художественно закрепляет в своих вещах, посвященных политическому и моральному упадку дворянства. Представителей осуждаемой им ультра-реалистской тактики он выводит в персонажах «Музея древностей». Глава его — старый маркиз д'Эгриньон, чистокровный ультра, он — «более реакционер, чем сам король. Для него и Людовик XVIII слишком либерален».

В борьбе партии д'Эгриньона с партией дю Круазье все симпатии Бальзака на стороне маркиза и его сторонников, которых он, как мы уже показали, изображает на голову выше в моральном отношении своих противников. Сущность принципов, которые защищает маркиз д'Эгриньон, верна, но форма их устарела.

негодна. И этим объясняет Бальзак поражение маркиза. Вместо того, чтобы бороться с буржуазией ее же средствами, современными оружием, «Музей древностей» размахивает заржавевым прадедовским мечом. Аристократией руководят старики, не способные понять ход современности.

Единственная сила, которая могла бы спасти дело дворянской партии, — это аристократическая молодежь, соединяющая с преданностью королю инициативу, смелость, свежесть мыслей. Но старики не доверяют ей, ее порывы кажутся им слишком вольнодумными и опасными.

Подавляя самостоятельность молодежи и прививая ей свои обветшалые понятия, старики разоружили ее перед лицом врага. При первом столкновении с буржуазной действительностью, аристократическая молодежь гибнет не только в политическом, но и в моральном отношении. Она оказывается бессильной перед искушениями буржуазной цивилизации, быстро усваивает ее пагубные нравы, принципы эгоизма и, в конце концов, продается буржуазии. История молодого д'Эгриньона служит подтверждением губительного влияния «тактики стариков» на судьбы аристократии, примером того, сколько пагубного при отсутствии необходимой проницательности таит в себе благородные и достойные добродетели» («Музей древностей»).

Воспитание молодого д'Эгриньона заронило в его душу в равной степени семена и «добра и зла». Если старый маркиз неустанно учит его правилам чести, то он же внушает ему понятие о дворянском звании, как чистой привилегии, без всяких обязанностей перед обществом. Родственников д'Эгриньона, Кавалер — тип вельможи времен регентства — усугубил этот классовый эгоизм, передал Викториану легкомысленную философию беспечных жуиров Рокко. Благодаря этому нелепому воспитанию, Викторье превратился в законченного эгоиста. И достаточно первого серьезного испытания, чтобы традиции старинного аристократического благородства, лишены прочной опоры, сохраняемые им лишь по инерции, рухнули. Потомок одной из стариннейших фамилий Франции, не хуже какого-нибудь нувориша, поддальывает венцель, чтобы добыть денег. Его карьера кончена; единственное, что ему остается — продажа своего титула и своей гордости за звонкую монету, женитьба на богатой наследнице буржуазии Круазье, которого он так презирал. Викторье занимает свое положение в обществе, но не как аристократ, а как владелец трех миллионов. Эта полная капитуляция перед буржуазией — неизбежный результат высокомерного третирования

ее силы и значаща. На примере Викторьена Бальзака объясняет причины превращения аристократии во Франции буржуазии, которую он делает одной из главных тем своей «Комедии». «История молодого человека» у Бальзака — это обычно вариация судьбы Викторьена — история падения молодого аристократа, превращенного буржуазным обществом. «Золотая молодежь» — Раствильяк, Люсьен, де Марсе, де Трайль, маркиз Ахуд-Пикто, герцог д'Эрувиль и т. д. — весьма быстро «утратив иллюзии», приспосабливается духом «принципа денег» и делает свою карьеру на совершенно буржуазный манер, врезаясь в толпу конкурентов «близкой или чумой», растоптав ногой свою честь и гордость. Брак с какой-нибудь дочерью банкира или теплое место в капиталистической государственной машине — это обычный конец молодого аристократа.

Аристократия сама виновата в своей гибели. Бальзак доказывает это и как публицист, и как художник: «он видел неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи... его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставляет действовать аристократов, мужчин и женщин, которым он глубоко симпатизирует»¹. Но эта гибель, как мы видели, для Бальзака является вовсе не неотвратимой, роковой исторически, закономерной неизбежностью. Она является только следствием ложной тактики дворянства, непонимания им своих собственных интересов. Достаточно дворянству усвоить программу новой аристократии, повести борьбу за господство теми методами, которые предлагает Бальзак, чтобы спасти свое положение. Резкая критика дворянства и политики ультра-роялистов у Бальзака ведется с позиций не врага, а единомышленника, желающего исправить ошибки собственной партии.

«Прикосновение сальпелля, двурюющего жидкая, умирающего» («История 13»), вот как определяет сам Бальзак цель своей критики аристократии. Реценты спасения, которые он ей предлагает, имеют своей целью не превращение дворянства во «фракцию буржуазии», — такой путь означал бы капитуляцию «чести» перед «книжками» и крушение «среднего состояния», основой которого должно явиться дворянство, — а превращение буржуазии во фракцию дворянства, подчинение главенству аристократии. Наша критика обычно упускает из виду, что Бальзак осуждает дворянство не только за сопротивление «вкусам эпохи», но и в меньшей степени

¹ «Маркс и Энгельс об искусстве», «Советская литература», 1933, стр. 196, 197.

да проникновению ими. Бальзак советует аристократия не капитулировать, а обратить их против самой эпохи. Пользуясь его метким сравнением, различие между официальной аристократической позицией и позицией самого Бальзака заключается в том, что ультра-роялист, как маркиз д'Эгриньон, «восстает против потока фактов, подобно древнему обломку обросшего мхом гранита, торчащего в альпийской пропасти», тогда как Бальзак, подобно Шенелю — реалистический роялист, «наблюдает за течением вод, стараясь им воспользоваться» («Музей древностей»).

«Если в «Человеческой комедии» буржуазное общество играет роль «Ада», а патриархально-феодалное — роль «Чистилища», то «среднее состояние» является ее «Раем». И как можно ожидать, это самая мертвая и скучная часть «Комедии». Фигуры идеальных героев Бальзака, по сравнению с его буржуазными персонажами, совершенно безжизненны. Единственный интерес, какой они могут иметь — это их значение в качестве «рупора» самого автора.

Идеальный герой Бальзака — это образец универсального развития, соединяющий в себе патриархальные добродетели с преимуществом цивилизации. Каждый из идеальных героев есть примирение одного из частных противоречий, общего великого конфликта между патриархальным обществом и цивилизацией.»

V

«Система «среднего состояния» — плод долголетних духовных исканий Бальзака и его неустанных размышлений над судьбами общественного развития — представляет собой окончательное выражение той позиции, которую занял Бальзак по отношению к основным решающим событиям своего времени — борьбе дворянства с буржуазией против неимущих масс, в первую голову, против пролетариата. Поэтому, разумеется, только по этим итоговым выводам Бальзака нужно определить место, которое он занимает в борьбе классов той эпохи.»

Двух ответов на вопрос о конечном значении «среднего состояния» не может быть. Утопия Бальзака могла практически осуществиться лишь в направлении, противоположном интересам капиталистического развития. В самом деле, сколько бы Бальзак ни доказывал буржуазии, что в ее собственных интересах ей выгодно обратиться в доверенного приказчика «новой аристократии», как бы он ни стремился показать все выгоды, проистекающие от соединения новейшего экономического прогресса с патриархальными устоями, ясно, что политическое господство этих устоев исключало бы всякое дальнейшее продвижение буржуазии вперед.

Буржуазия прекрасно понимала это, что она и доказала уже Итальянской революцией, столь огорчившей Бальзака. Мог ли бы промышленный капитализм, для которого свобода конкурентного рынка была вопросом жизни и смерти, развиваться в общественных условиях, ставящих эту свободу в зависимость от единодержавной воли короля, подавляющих ее политическое выражение, отменяющих у буржуазии законодательную и исполнительную власть путем превращения парламента в совещательный орган с доведением суженной к тому же избирательной системой, стесняющей эту свободу различными патриархальными «табу», вроде аристократии, «новой аристократии», пэров, иерархии талантов, неслыханности семейного имущества, господства католической церкви над светским образованием, цензуры над прессой, майоратов и т. д. А ведь все эти вещи составили краеугольный камень идеальной государственности Бальзака. Защищая одной рукой свободу промышленности, Бальзак другой рукой создает ей такую политическую бытовую моральную атмосферу, в которой капиталистическая промышленность неминуемо должна была бы задохнуться. «Привычка денег» не мог примириться ни с каким полуподчиненным существованием. Он мог либо быть господином, либо не существовать вовсе. Но всякая опека со стороны «чести» была для него невыносима. Поэтому, по своим конечным результатам, утопия Бальзака совпадала с антикапиталистическими устремлениями дворянства. Именно это обстоятельство и делает идеальную систему Бальзака утопией в точном значении этого слова, поскольку спасение от капитализма он ищет не в дальнейшем развитии и углублении внутренних противоречий последнего, а в исполнении его зияющих бездонных трещин обломками прошлых эпох, в реставрации давно отживших феодальных учреждений и прав, им идеализированных.

Если оценивать Бальзака только по его выводам, по его общественно-политическим взглядам, то его, по справедливости, нужно отнести к писателям консервативным, даже реакционным. Но тогда остается совершенно непонятным его громадное, прогрессивное, историческое значение, и прежде всего, его бесспорное значение для нас. Что может быть более далеким от научного коммунизма, чем эта ретроградная проповедь аристократической иерархии, католицизма и абсолютной монархии? Все это, разумеется, бесспорно. Но не менее бесспорно и то, что ни в коем случае нельзя поставить Бальзака в один ряд с такими реакционными писателями, как Альфред де Виньи и Шатобриан, его современниками. Бальзак и Шатобриан — величины несоизмеримые по

объективному значению своего творчества. Произведения Шатобриана представляют для нас главным образом значение исторического документа по изучению настроений и чаяний французского дворянства эпохи Реставрации. Шатобриан в своей эпохе отразил только ту среду, которая его воспитала, да и то не такой, какой она была на деле, а такой, как она сама себе представлялась. В творчестве же Бальзака мы находим глубокое реалистическое проникновение в действительность, ряд широких и основательных художественных обобщений, меткую провицательную критику существующего порядка, сохранившую до сих пор все свое значение, как материал, которым можем мы пользоваться в борьбе против капиталистического общества.]

Это коренное объективное различие между Бальзаком и Шатобрианом, взятое с субъективной, личной стороны, сказывается и в различном характере их аристократизма. Шатобриан, Альфред де Виньи и другие — это типично дворянские писатели, кровно, интимно, так сказать, зоологически связанные со своим классом всем своим психологическим складом, вкусами, традициями, привычками, предрассудками. В силу всего этого их аристократические взгляды сложились относительно непосредственно, без предварительных рассуждений и поисков. С первых шагов своей сознательной жизни они выступают, как аристократы. Их деятельностью руководит непосредственный классовый инстинкт, отчетливая корысть. Их устами откровенно говорят возжелания эмигрантов, вернувшихся во Францию после 1815 года с каждой реванша, с неискоренимой злобой ко всему созданному революцией. Вот почему гибель старой Франции вызывает у них такое животное отчаяние. Это отчаяние зверя, затравленного охотником, «Смерть волка» де Виньи.

Но Бальзаку как нельзя более чужд этот зоологический аристократизм. В этом смысле защитник дворянства Бальзака отнюдь не дворянский писатель. Легитимистические убеждения Бальзака, как мы видели, есть плод долгих исканий, а не результат непосредственного импульса. Он приходит к ним потому, что убежден в невозможности иного объективного выхода из тупика общественных противоречий.]

Где же лежат исторические причины того, что консерватор и «хранитель устоев» Бальзака смог написать тягчайший обвинительный акт против этих «устоев»? Как могло творчество этого противника немущих масс азвучать в унисон с их устремлениями? Или, обратив вопрос, как мог этот великий художник, «вступивший в бой со всем современным обществом», во выраже-

нию Гюго, мириться с ним, быть консерватором и сторонником «порядка»?

Чтобы уяснить это, сделаем небольшое отступление.
[Марксизм как «теоретическое учение... возник совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возник как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции»¹] Все они принадлежали по своему происхождению и образованию к интеллигентным классам. К коммунизму их толкало не их непосредственное классовое положение, но «возвышение до теоретического познания хода вещей», по выражению «Коммунистического манифеста». Все мыслящие люди той эпохи, искренно заинтересованные в успешном развитии общества, не ослепленные собственнической корыстью и предрассудками, трезво наблюдая и изучая капиталистический строй, не могли не видеть его антагонистической сущности, его отрицательного влияния на дальнейшее движение человечества вперед. Этот вывод заставил их мысль работать в поисках выхода из противоречий капитализма. Действительный выход был найден не сразу. Его теоретическое созревание шло долго и трудно. В научной форме он впервые был указан только Марксом и Энгельсом, открывшими в рабочем классе ту силу, которая освобождает все человечество от эксплуатации и классового антагонизма.¹

Но могли ли эти ответы быть найдены сразу, после того, как были поставлены на очередь вопросы об устранении общественных противоречий, созданных капиталистическим развитием? Разумеется, нет! Это зависело не только от доброй воли людей, эти вопросы ставивших, но, в первую очередь, от объективного положения вещей. Теоретическое уяснение условий уничтожения классового общества могло быть сформулировано в научной форме только с практическим их уяснением. А это стало возможно лишь тогда, когда борьба между пролетариатом и буржуазией достигла полного развития и непримиримости их интересов выступила в законченном и наглядном виде, то есть лишь в тридцатых годах девятнадцатого века. Этот момент образует грань между двумя ступенями в развитии передовой теоретической мысли, той, на которой уже возможно образование научного социализма, завершаемой Марксом — Энгельсом, и той, на которой оно еще объективно невозможно, к которой принадлежит Бальзак наряду с Гегелем, Сен-Симоном, Гёте и т. д.

¹ Ленин «Что делать?» («Сочинения», 3-е издание, т. IV, 385).

Все это люди, выросшие и сложившиеся до Июльской революции. Всех их, как мы уже говорили, несмотря на коренные различия в выводах, объединяет общее исходное устремление подняться над исторической противоположностью капитализма и феодализма, найти некоторый третий путь развития общества. Но где они могли найти этот действительный путь, на какую реальную силу опереться? На пролетариат, на неимущие массы? Но в этот первый неразвитый период борьбы пролетариата с буржуазией, благодаря незрелости капиталистического производства, пролетариат еще не сформировался окончательно как класс и потому не был способен еще к самостоятельному действию. «Пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих, составлял в то время лишь зародыш будущего класса и не был способен к самостоятельному политическому действию. Он являлся лишь угнетенной, страдающей массой, способной в своей беспомощности ждать избавления только от какой-нибудь внешней, высшей силы»¹.

Там же, где эта общая масса неимущих людей пыталась выставить свои самостоятельные требования (бабувизм, движение луддитов), в силу незрелости материальных условий для освобождения пролетариата они носили реакционный по форме, аскетический, уравнилельный характер.⁴

Вследствие этих причин, указанным мыслителям пролетариат представляется чисто страдательной массой, не способной ни к какой исторической самостоятельности. Даже те из мыслителей этого поколения, которые, как Сен-Симон и Фурье, возвышаются до понимания того, что реформу общества нужно начинать с реформы положения пролетариата, видят в нем только более всего страдающий класс и потому более всего нуждающийся в опеке и мудром руководстве. К самостоятельному его выступлению они относятся с полным недоверием, ссылаясь на опыт террора.

Не имея возможности найти действительного выхода, они вынуждены обращаться к утопическим рецептам, они отвергают революционную деятельность, они призывают ко всем классам общества и, главным образом, к состоятельным и образованным классам, доказывая им выгоды той или иной системы преобразования общества; они хотят мирного разрешения классовых противоречий, стремясь найти идеальный общественный плав, примиряющий интересы всех классов. Утопический элемент неизбежно присутствует в учениях всех мыслителей этой эпохи, сознающих неиз-

¹ Энгельс. «Развитие социализма от утопии к науке». «Молодая Гвардия» 1937. 29.

боязнь преодоления антагонизмов буржуазного общества. Было бы ошибкой считать его принадлежностью только консервативных систем. Он не чужд и Гегелю («Философия права»), и Гёте («Вильгельм Мейстер», вторая часть «Фауст»). Это явление, протекающее из общих исторических условий, в которых равно приходилось творить и действовать всем этим мыслителям, несмотря на громадные различия в их общественно-политических позициях, конечно, не уничтожило принципиальной противоположности между утопизмом социалистическим и утопизмом консервативным, не выходящим за рамки собственно исторического строя.

Утопизм неизбежно приводит этих мыслителей к консервативным выводам, поскольку средства разрешения общественных противоречий они ищут не в развитии и углублении их, а в их примирении, но в поисках средств примирения они обычно обращаются к формам, выработанным историческим прошлым, патриархальным отношениям, в которых они усматривают силу, нейтрализующую «атомизм» новейшего общества. Это мы видим и у Гегеля, считающего необходимым ослабить разрушительное действие капитализма с сохранением прусской сословной монархии и дворянства, и у Сен-Симона, видевшего в восстановлении строго иерархической религиозной системы средневековья силу, вносящую порядок и организованность в его идеальное общество. А эти консервативные выводы в результате привязывают мыслителей к тому самому общественному строю, который они хотят изменить. Даже у самого радикального из них, Сен-Симона, доведшего критику буржуазного общества до разрыва с ним, «с защитой интересов пролетариата, — по словам Энгельса, — уживались еще отчасти буржуазные стремления». И чем менее склонен был мыслитель к беспощадным проектам, тем скорее приходил он к примирению с существующим порядком вещей, тем дальше заходил он в этом направлении.

В результате в положении представителей этого нового поколения передовой интеллигенции создается парадоксальное на первый взгляд противоречие: так как они не могут найти реальных средств для разрешения антагонистических конфликтов капиталистического строя, их выводы и проекты практически не выходят за границы последнего.

Но так как они в теоретической форме уже ставят вопрос о необходимости преодоления капиталистических противоречий и ищут пути к этому, их учение по своим тенденциям и ходу мыслей совпадает с практическими

устремленными и интересами немущих классов, находящихся еще в неразвитом состоянии. Это противоречие с теоретической стороны связывается в противоречии между потенциально-революционным характером их метода и консервативным характером системы, как, например, у Гегеля.

После сказанного легко увидеть, что в позиции Бальзака нет ничего исключительного и случайного. Это типичное положение передового интеллигента той эпохи, вышедшего из имущих классов, со всеми вытекающими отсюда контрверсами. Точно так же, как Гегель и Сен-Симон, Бальзак в споре цивилизации и патриархального состояния не примыкает ни к одной из заинтересованных сторон, обе они в его глазах неправы. Ни господство феодальной аристократии, ни господство буржуазии не открывают перспективы на будущее. Он приходит к убеждению в необходимости отыскать способы преодоления этой исторической противоположности. В этом пункте его искания соприкасаются с устремлениями обездоленных низов капиталистического общества, Бальзак теоретическим путем приходит к тем требованиям, которые возникают у народных масс в силу их материального положения. Но Бальзаку так же, как и Сен-Симону, по указанным ранее причинам, рабочий класс представляется еще грубой, невежественной массой, не способной к руководству историческим процессом. Тогда Бальзак пускается в сочинительство утопических проектов, долженствующих спасти общество. Возникает система «среднего состояния», которая практически остается на почве собственнического общества, причем стремления примирить его противоречия приводят Бальзака к защите его менее антагонистических, патриархальных форм против буржуазных, более антагонистических. Таким образом плебейско-демократические тенденции Бальзака завершаются защитой аристократии. Бальзак занимает, подобно Гегелю, ту самую своеобразную позицию, которую можно назвать демократическим консерватизмом.

Но при всем сходстве мыслей между Бальзаком и Сен-Симоном различие их в выводах и окончательной позиции не случайно. Годы зрелости Бальзака, когда окончательно сложилось его мировоззрение (1820—1830), приходятся уже на конец первого периода борьбы пролетариата с буржуазией, первой ступени развития передовой теоретической мысли XIX века, когда уже начал рассоняться «туман неразвитых экономических отношений» (Энгельс) и когда классовый антагонизм стал вырисовываться яснее. Это обстоятельство делает Бальзака более трезвым, но и более консервативным в выводах, чем Сен-Симон и радикаль-

«... демократы тридцатых годов. Он критикует их утопии, излагает социальную сторону их воззрений, их просветительскую веру в победу отвлеченного «разума» над имущественными отношениями. Бальзак понимает уже, что всякая действительная попытка социальных реформ должна обращаться в первую очередь не к «разуму» людей, а к их материальным интересам, и так как эти у различных классов совершенно противоположны, то невозможно найти план реформ, удовлетворяющий все стороны; реформа должна произойти за счет подавления интересов одного класса с интересами другого.

В лице Бальзака передовая мысль девятнадцатого века сделала в известном отношении шаг вперед в раскрытии противоречий капиталистического общества, но и в то же время ценой известного движения вспять, ибо для Бальзака материальный интерес еще тождественен с собственностью. А если стремление неимущих масс к переделке существующего строя вызваны их материальными интересами, то, следовательно, никакое другое общество, кроме основанного на собственности, невозможно.* И социальная революция, с этой точки зрения, есть бессмысленная вещь, кружение белки в колесе, потому что она возвращает общество от господства крупной собственности к господству мелкой собственности, которое, в силу естественного закона, вновь развивается в обратном направлении. Классовое неравенство неискоренимо.*

Поэтому Бальзак отвергает социализм. Будучи гораздо большим реалистом, чем Сен-Симон, он приходит к гораздо более консервативным выводам, ставящим его на противоположном великому утописту конце лагеря.¹

Но не только в исторической обстановке, в незрелости общественных условий заключались причины того, что Бальзак, в конце концов, остался с господствующими классами, несмотря на то, что он так жестоко критиковал их. Ведь смогли же некоторые мыслители, тот же Сен-Симон, уже и в эту эпоху возвыситься до понимания исторической обреченности собственнического, классового строя и перейти на сторону пролетариата, пусть и сохраняя много пассивного, иллюзорного, фантазерского в своих представлениях о способах общественного переустройства.

Но Бальзак оказался несравненно теснее, чем Сен-Симон, связанным с предрассудками и узкими понятиями господствующих классов и так и не смог до конца порвать с ними. Эти предрассудки омрачали ясность его художественного зрения, давали на его мировоззрение, мешали ему составить правильное представление о рабочем классе, о социализме. Хотя идейное и художественное

сравнение Бальзака у нас заканчивается вадолго до эпохи образования научного коммунизма, все же Бальзак был свидетелем событий 1848 года. Последние годы его жизни совпадают с первыми годами идейной политической зрелости рабочего класса, с образованием «Союза коммунистов» и выходом «Коммунистического манифеста». Но консервативная позиция Бальзака делает его слепым к этому великому историческому событию. Бальзак проходит мимо всех этих новых фактов. Для него рабочий класс и в сороковых годах остается все той же невежественной, пассивной, не способной к руководству общественной массой. В своих последних романах Бальзак высказывает те же взгляды на пролетариат, какие он проводил и в своих первых романах (ср. «Сельский священник» 1832 года и «Крестьяне» 1844 года).

То представление о рабочем классе, которое имело еще некоторое объективное основание в двадцатых годах, в сороковых годах становится наглядным абсурдом. Точно так же и социализм для Бальзака отождествился навсегда с утопическими проектами. Но те справедливые упреки, которые Бальзак делал сен-симонистам, были совершенно неприменимы к научному коммунизму. Эта сторона взглядов Бальзака на социалистические учения, оказалась, таким образом, устарелой. Зато выступила гораздо резче другая, реакционная сторона его взглядов — филистерские опасения перед «анархией», плоские насмешки над «фантазерами».

Ни либеральная, ни дворянская партия никогда не могли признать Гегеля или Бальзака вполне своими. Для дворянской критики идеи Бальзака были слишком «либеральными», чтобы она могла вполне сочувствовать им: она всегда подозрительно косилась на этого своего чересчур ревностного сторонника. Для либеральных критиков, вроде Тэна, Брандеса, Шахова, Фаре — Бальзак был, наоборот, недостаточно «либералец». Они постоянно упрекают его в пессимизме, в недостатке «трезвости», в неверии в «прогресс», особенно в этом последнем смертном грехе. Это, разумеется, не случайно. Ход рассуждений Бальзака, его метод резко противоречили его выводам, его системе. Это консервативное учение по своим внутренним тенденциям было сильнейшим разрушительным орудием собственного общества. Будучи как художник, подобно Гегелю, великим мастером исторической диалектики, Бальзак не оставил камня на камне в капиталистическом обществе, показав вместе с тем внутреннюю негодность «добраго старого времени». Могли ли наиболее дальновидные их защитники

поверить Бальзаку, когда он после этого уверял их (хотя и ^{вполне} искренне), что он противник «разрушителей основ»!

!Объективный смысл творчества Бальзака первыми ^{вспом} ^{вспом} по достоинству именно основоположники пролетарского мировоззрения, в то время, как для современной ему буржуазной критики он был только одним из «не оправдавших надежды». Известно, как высоко ценили Маркс и Энгельс не только художественный талант Бальзака, но его глубокий анализ, беспощадную ^{резкость}, его несравненное хирургическое искусство вскрывать до дна явления современного общества. !Они видели в нем не только источник художественного наслаждения, но и богатую сокровищницу глубоких мыслей и наблюдений, ценную помощь для своей теоретической работы. Без «Человеческой комедии» первая глава «Коммунистического манифеста», быть может, звучала бы не так ярко и полнокровно.!

Поэтому, отбросив в сторону все то, что в Бальзаке было результатом ограниченности его времени, !мы чтим его за то, что, по словам Гюго, «он, быть может, сам того не сознавая и не желая, принадлежит к могучей расе революционеров», за то, что «он вступил в бой со всем современным обществом» — в тот бой, который с иными целями, вооруженные иным оружием, продолжаем мы и доведем его до победы.!

В. Г р а б.